
Франсуаза
Саган
Властелин
Сердец

Властелин сердец
Франсуаза Саган

Аннотация
Франсуаза Саган. Властелин сердец
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая

Аннотация

Без аннотации.

Вашему вниманию предлагается книга Франсуазы Саган "Властелин сердец".

Франсуаза Саган
Властелин сердец

Жаку

Бывает так, что, как вода, пузырится земля.

Шекспир «Макбет»

Глава первая

«Ягуар» Пола с мерным урчанием мчался по стремительно убегающей вдаль безупречно прямой дороге вдоль побережья Санта-Моники. Было тепло, влажный воздух пах бензином и ночью. Пол вел машину со скоростью девяносто миль в час. На нем были перчатки, похожие на те, что носят автогонщики, и мне почему-то было неприятно смотреть на его руки.

Меня зовут Дороти Сеймур, мне сорок пять лет, лицо слегка поношено, потому что жизнь не слишком-то меня берегла. Я — сценарист, довольно преуспевающий, и все еще привлекательна для мужчин, быть может потому, что они тоже привлекают меня. Я одно из тех отвратительных исключений, которые позорят Голливуд: в двадцать пять я с оглушительным успехом снялась в фильме, в двадцать шесть — укатила в Европу с одним художником левых взглядов, где и спустила все заработанные деньги. В двадцать семь я, никому не известная, без единого цента в кармане и с подпорченной репутацией, вернулась в Голливуд. Так как меня уже успели

забыть, и мое некогда громкое имя перестало производить какое бы то ни было впечатление на неблагодарную публику, студия отказалась меня снимать и наняла в качестве сценариста. Я была довольна: автографы, фотографы и премии всегда наводили на меня скуку. Я стала «Тем, Кто Мог Бы Быть» (звучит, как имя какого-нибудь индейского вождя). К тому же крепкое здоровье и богатое воображение, которыми я обязана моему ирландскому дедушке, в конце концов помогли мне завоевать некоторую известность на поприще производства цветной чепухи, что, к моему удивлению, оказалось делом весьма доходным. Так, среди титров историко-эпических лент, снятых компанией «РКБ», зачастую можно увидеть мое имя, и иногда в ночных кошмарах мне является Клеопатра, которая с горьким упреком провозглашает: «Нет, мадам, я никогда не говорила Цезарю: «О, властелин моего сердца!».

Как бы там ни было, на сегодняшнюю ночь властелином моего сердца, или по крайней мере тела, предстояло быть Полу Бретту, и я заранее зевала по этому поводу.

И тем не менее Пол Бретт — очень симпатичный мужчина. Он представляет интересы «РКБ» и многих других кинокомпаний. Пол элегантен,

мил, лицом похож на мальчика из церковного хора. Даже такие известные секс-символы нашего поколения, как Памела Крис и Лола Кревет, которые на протяжении десяти лет разбивали на экране состояния и сердца многих мужчин, а также свои собственные длинные мундштуки, были всерьез увлечены им и утопали в слезах после разрыва. Итак, у Пола было богатое прошлое. Однако, глядя на него в тот вечер, я видела лишь белокурого мальчика… маленького белокурого сорокалетнего мальчика, что действовало угнетающе. Но это должно было случиться: после двух недель цветов, телефонных звонков, намеков, свиданий женщина моего возраста считает своим долгом сдаться, по крайней мере в этой стране. И вот настал роковой день: в два часа ночи мы со скоростью девяносто миль в час приближались к моему скромному жилищу, и я с сожалением размышляла о важности сексуальных отношений в человеческой жизни. Хотелось спать. Но на это я не имела ни малейшего права, ведь мне уже хотелось спать вчера и три дня назад… Понимание Пола — «Да, дорогая, конечно» — сменится неизбежным: «Дороти, что происходит? Ты можешь рассказать мне все…». Так что мне предстоит со счастливым видом доставать из холодильника

лед, искать бутылку виски, протягивать Полу стакан, в котором будут весело звенеть кубики замерзшей воды, и, наконец, раскинуться на кушетке в одной из соблазнительных поз Полет Годар. После чего Пол приблизится, поцелует меня и выразительно произнесет: «Это должно было случиться, не правда ли?». Да, это должно было случиться.

У меня перехватило дыхание. Пол издал сдавленный крик. Свет фар выхватил из темноты какого-то мужчину, который, как полоумный, или, скорее, как нелепое соломенное пугало из тех, что я видела во Франции, бросился прямо на нас. Должна признать, что мой белокурый малыш обладает отменной реакцией. Он ударил по тормозам, и машина, вильнув вправо, оказалась в кювете, как и ее очаровательная пассажирка — я имею в виду себя. Очнувшись от странных видений, я обнаружила, что мой нос упирается в траву, а руки вцепились в сумочку, что довольно-таки странно, учитывая мою привычку повсюду ее забывать. (Наверное, я так никогда и не узнаю, что заставило меня перед лицом смертельной опасности цепляться за этот маленький предмет.) Я услышала голос Пола, с трогательным беспокойством повторявший мое имя, и с об-

легчением снова закрыла глаза. Псих, вроде бы, не пострадал. На мне — ни царапины, Пол тоже цел, однако у меня появился формальный повод — нервный шок и тому подобное — провести эту ночь в одиночестве. «Все в порядке, Пол», — пролепетала я умирающим голосом и поудобнее устроилась на траве.

— Благодарение Богу! — воскликнул Пол, который любил прибегать к несколько архаическим выражениям романтического толка. — Благодарение Богу, дорогая, что ты не пострадала! На мгновение мне вдруг показалось, что…

Не знаю, что уж там показалось ему на мгновение, потому что в следующее мгновение, сплетаясь в каком-то неистовом объятии, мы скатились на десять ярдов вниз по откосу. Полуживая, ослепшая, я с раздражением скинула с себя руки Пола и увидела горящий, как факел, «ягуар». Как хорошо застрахованный факел, с надеждой подумала я. Пол тоже приподнялся и сел.

— Бог мой, — сказал он, — бензин!

— Там осталось что-нибудь еще, что может взорваться? — спросила я с мрачным юмором.

Тут я внезапно вспомнила о существовании того безумца. Может быть, в эту самую секунду он горит! Я вскочила на ноги, машинально отме-

тив при этом, что у меня поползли оба чулка, и бросилась к дороге. Пол побежал за мной. Темная фигура распласталась на асфальте. Мужчина был вне досягаемости огня, однако не подавал признаков жизни. Сначала я увидела только каштановые волосы, которым пламя придавало рыжеватый оттенок, затем без труда перевернула его на спину, и мне открылось его почти детское лицо.

Поймите меня правильно. Я никогда не любила, не люблю и не буду любить очень молодых мужчин, хотя в последнее время это превратилось в настоящую моду даже среди моих друзей. Фрейдизм какой-то! Юнцам, у которых молоко на губах не обсохло, нечего делать в объятиях женщин, у которых на губах не высыхает виски. Однако лицо, увиденное мною тогда в свете пламени на дороге, такое молодое, но уже такое суровое и решительное, казалось совершенным и вызвало у меня странное чувство. Мне захотелось убежать от этого человека, и в то же время меня одолевало желание обвить его руками и убаюкать. И это при том, что у меня полностью отсутствует материнский комплекс. Моя дочь, которую я обожаю, удачно вышла замуж, живет в Париже и может лишь мечтать о том, чтобы пристроить

мне свой выводок на лето, когда мне приходит в голову провести месяц-другой на Ривьере. Слава Богу, я редко путешествую одна и могу оправдать непродолжительность своих материнских визитов соображениями приличия. Но вернемся к той ночи и к Льюису — этого полоумного, этого пугало, этого потерявшего сознание незнакомца с симпатичной мордашкой звали Льюис — на какое-то мгновение я застыла над ним, не в силах даже положить ему руку на грудь, чтобы проверить, бьется ли сердце. Я просто смотрела на него, и мне было неважно, жив он или мертв. Позже мне придется горько раскаяться в этом странном, непостижимом ощущении, но совсем не в том смысле, в каком кто-то может подумать.

— Кто это? — строго спросил Пол.

Если что-то и восхищает в людях, работающих в Голливуде, так это их мания всех знать или, по крайней мере, узнавать. Вот и Пол никак не мог примириться с мыслью, что он не может обратиться по имени к человеку, которого несколько минут назад едва не переехал.

— Пол, мы не на вечеринке. Как ты думаешь, он ранен?... О!..

Коричневая краска, которая растекалась под головой юноши и лилась прямо мне на руки, была

кровь. Я узнала ее тепло, липкость и ужасающую мягкость. Пол понял это одновременно со мной.

— Я уверен, что моя машина даже не прикоснулась к нему, — сказал он. — Наверное, его ранило при взрыве.

Пол распрямился, его голос звучал холодно и спокойно. Я начала понимать слезы Лолы Кревет.

— Дороти, ничего не трогай. Я иду звонить.

Он зашагал в направлении домов, черневших в отдалении. Я осталась одна на дороге, склонившись над человеком, который, возможно, умирал. Неожиданно он открыл глаза, посмотрел на меня и улыбнулся.

Глава вторая

— Дороти, ты что — совсем сошла с ума?

На этот вопрос мне обычно бывает труднее всего ответить. Кроме того, задал его Пол, который, в своей элегантной синей куртке, смотрел на меня непреклонным взглядом. Мы находились на террасе моего дома. Я была одета для работы в саду: старые холщовые брюки, кофточка в цветочек, волосы подвязаны косынкой. Не то чтобы я когда-нибудь всерьез занималась садоводством — один вид садовых ножниц приводит меня в дрожь — мне просто нравится менять облик. Вот почему каждую субботу я, подобно моим соседям, переодеваюсь для работы в саду, но вместо того, чтобы сражаться с воющей газонокосилкой или пропалывать цветочные клумбы, устраиваюсь на террасе с двойным виски и книжкой в руках. За этим-то занятием меня и застал Пол. Я почувствовала себя виноватой и неприбранной, оба эти ощущения были одинаково сильны.

— Ты знаешь, что все в городе только и говорят о твоей последней выходке?

— Так уж и все, — возразила я сколь скептиче-

ски, столь и невинно.

— Скажи на милость, что здесь делает этот мальчишка?

— Должен же он поправиться, Пол. В конце концов, он всерьез поранил ногу! А ты знаешь, что у него нет ни денег, ни семьи… ничего.

Пол тяжело вздохнул.

— Именно это меня и беспокоит, а также тот факт, что твой юный битник был изрядно накачан ЛСД, когда бросался нам под колеса.

— Послушай, Пол, он же сам тебе все объяснил. Под влиянием наркотиков он даже не увидел машину, а фары он принял за…

Внезапно Пол покраснел.

— Мне все равно, что ему там померещилось! Этот псих, этот сорванец чуть нас не угробил, а ты через два дня привозишь его в свой дом, устраиваешь в комнате для гостей, да еще подносишь ему еду. А что если в один прекрасный день он прикончит тебя, приняв за цыпленка или еще Бог знает за что? Или сбежит, прихватив твои драгоценности?

Я бросилась в атаку.

— Знаешь, Пол, еще никто и никогда не принимал меня за цыпленка, а что касается драгоценностей, то у меня их не так уж много, да и

ценность их невелика. И потом, не могли же мы бросить его на улице в таком состоянии.

— Ты бы могла отвезти его в больницу.

— Больница произвела на него угнетающее впечатление, надо сказать и на меня тоже.

Пол казался сраженным. Он опустился в плетеное кресло, машинально взял мой стакан с виски и отпил половину. Мне это не понравилось, но я его не остановила: бедняга явно зашел в тупик. Он как-то странно посмотрел на меня:

— Ты работала в саду?

Я кивнула для убедительности несколько раз. Удивительно, как некоторые мужчины постоянно вынуждают нас лгать. Вот и сейчас я просто не знала, как объяснить Полу мое невинное субботнее времяпрепровождение. Он снова назовет меня сумасшедшей; впрочем, мне начинало казаться, что он не так уж далек от истины.

— Надо же, незаметно, — продолжил Пол, оглядываясь вокруг.

Мой крошечный сад действительно напоминал джунгли, но я напустила на себя обиженный вид:

— Делаю, что могу.

— А что это у тебя в волосах?

Я провела рукой по волосам и извлекла две дре-

весные стружки, белые и тоненькие, как листья. Я была озадачена.

— Это стружка.

— Вижу, — сухо сказал Пол. — Более того, она лежит и на полу. По всей видимости, ты не только работала в саду, но и плотничала?

В этот момент еще одна стружка, медленно паря, опустилась ему на голову. Я подняла глаза.

— А! Знаю, — сказала я, — это Льюис. Он лежа в кровати вырезает деревянную маску, чтобы как-то убить время…

— И щедрой рукой отправляет обрезки прямо в окно. Как мило!

Я тоже начала немного нервничать. Возможно, мне действительно не следовало привозить Льюиса к себе, но ведь это был чисто благотворительный жест, без какой-либо задней мысли. К тому же Пол не имел на меня никаких прав, и я решила указать ему на это. Он ответил, что имеет на меня такие же права, какие любой мужчина имеет на неразумную женщину, а именно право защищать ее, в общем, нес какую-то чушь. Мы поссорились, он в гневе ушел, а я осталась сидеть в кресле, выжатая, как лимон, да еще и с теплым виски. Было шесть часов вечера. На лужайке, замусоренной листвой, удлинились тени; все

планы на остаток дня лопнули: ссора с Полом отменяла вечеринку, на которую мы должны были вместе пойти. Оставался телевизор, который обычно наводит на меня скуку, и несколько нечленораздельных звуков, которые издаст Льюис, когда я принесу ему ужин. Я никогда еще не встречала такого молчаливого человека. Единственный раз, когда он говорил внятно, был два дня спустя после аварии. Он тогда заявил о своем намерении покинуть больницу и принял мое гостеприимное приглашение как нечто само собой разумеющееся. В тот день я была в приподнятом настроении, может быть, слишком приподнятом. Я переживала одно из тех, слава Богу редких, мгновений, когда в каждом мужчине видишь своего брата и ребенка одновременно, отчего возникает потребность заботиться о них. С тех пор я продолжала ухаживать за Льюисом; он лежал в моем доме, растянувшись на кровати, с забинтованной ногой, на которой каждый день сам менял повязку. Он никогда не читал, не смотрел телевизор, не слушал радио и не разговаривал. Время от времени он что-то вырезал из сухих деревяшек, которые я приносила ему из сада, или смотрел в окно остановившимся взглядом. Иногда я спрашивала себя, а не сумасшедший

ли он на самом деле, и эта мысль, учитывая его красоту, казалась мне даже романтичной. На мои робкие расспросы о его прошлом, настоящем и будущем он всегда давал один и тот же ответ: «Это неинтересно». Однажды ночью он очнулся на дороге, перед машиной, его звали Льюис, все остальное не имело значения. В общем, это меня устраивало: длинные истории утомляют, а большинство людей нас не щадят.

Я пошла на кухню, выковырила из банок роскошный ужин и поднялась наверх, затем постучала в дверь, вошла и поставила поднос на кровать, усыпанную стружкой. Вспомнив, как одна из них упала Полу на голову, я рассмеялась. Льюис посмотрел на меня заинтригованно. Его светлые голубовато-зеленоватые глаза, обрамленные черными ресницами, были похожи на кошачьи, и я невольно подумала, что, увидев такой взгляд, на «Коламбия Пикчерс» не раздумывая подписали бы с ним контракт.

— Смеетесь?

У него был низкий, хрипловатый голос.

— Я смеюсь, потому что ваша стружка упала Полу на голову, и он ужасно рассердился.

— Ему было не очень больно?

Я с любопытством взглянула на него. Он впер-

вые пошутил, по крайней мере, я надеялась, что он шутит. У меня вырвался глупый смешок, и внезапно я почувствовала себя неловко. В конце концов, Пол прав. Что я тут делаю с этим юным психом, одна в пустом доме, в субботний вечер? В эту минуту мне бы следовало танцевать, шутить с друзьями или даже заниматься любовью с милым Полом или с кем-нибудь еще…

— Вы куда-то собрались?

— Нет, — с горечью ответила я. — Я вам мешаю?

Я сразу же пожалела о своих словах. Они противоречили всем законам гостеприимства. Но Льюис неожиданно разразился счастливым, детским, беззаботным смехом. И, благодаря этому смеху, он сразу же стал мальчишкой, у него сразу же появилась душа.

— Вам, наверное, очень скучно?

Его вопрос застал меня врасплох. Может ли кто-нибудь в этой суете, называемой жизнью, уловить разницу между «очень скучно», «просто скучно» и «немного скучно»?

— У меня нет времени скучать, — натянуто ответила я. Я сценарист, работаю на «РКБ», и…

— Там?

Он мотнул головой влево, как бы объединяя

этим презрительным жестом и сияющий вдали залив Санта-Моника, огромное предместье Лос-Анжелеса — знаменитый Беверли-Хилз, и студию, и многочисленные офисы. Может, жест не был презрительным, но в нем проскользнуло нечто большее, чем просто равнодушие.

— Да, там. Так я зарабатываю на жизнь.

Я разозлилась. В течение последних трех минут я, благодаря этому незнакомцу, вынуждена была почувствовать себя сначала неполноценной, а затем — и вовсе бесполезной. В самом деле, что давала мне моя дурацкая работа, кроме пачки долларов, которую я за месяц зарабатывала и за месяц же тратила? Однако недостойно поддаваться чувству вины из-за какого-то молокососа, мало что смыслящего в жизни и явно злоупотреблявшего ЛСД. Я ничего не имею против наркотиков, однако не одобряю возникающих под их воздействием взглядов, почти всегда презрительных по отношению к тем, кто их не разделяет.

— Зарабатываю на жизнь, — задумчиво повторил он. — Зарабатываю на жизнь…

— Это вполне в духе времени, — сказала я.

— Какая жалость! Хотелось бы жить во Флоренции в те времена, когда многие люди помогали жить другим за просто так, ни за что.

— Они помогали жить скульпторам, художникам, писателям. Вы, что, один из них?

Он помотал головой.

— Может быть, они также помогали тем, кто им просто нравился, — сказал он.

Я рассмеялась циничным смехом Бетт Дэвис[1].

— Вы и сегодня без труда могли бы заручиться такой помощью.

И я повела головой влево, воспроизводя его собственный жест.

Он закрыл глаза.

— Я сказал «за просто так», а это не значит «просто».

В его голосе было столько чувства, что у меня неожиданно возникло множество вопросов, причем один романтичнее другого. Что я о нем знаю? Любил ли он когда-нибудь до умопомрачения — по крайней мере в том смысле, в каком принято говорить «до умопомрачения» (для меня это вообще единственный способ любить)? Что заставило его броситься под колеса нашего «ягуара»: случай, наркотики или отчаяние? Не хочет ли он исцелить не только ногу, но и сердце? И когда он неотрывно смотрит в небо, видит ли он там чье-

[1] Примечания: 1

Бетт Дэвис — американская драматическая и комедийная киноактриса, звезда 30–40 годов.

то лицо? Профессиональная память подсказала мне, что я уже использовала последнее выражение в киносценарии «Смерть Данте» — мне тогда пришлось здорово помучиться с эротическими сценами. Данте сидит за грубым средневековым столом, отрывает глаза от древнего манускрипта, а голос за кадром произносит: «Когда он неотрывно смотрел в небо, видел ли он там чье-то лицо?». Вопрос, на который зрители сами должны были дать ответ, надеюсь, положительный.

Итак, дошло до того, что я уже и думаю, как пишу! Это порадовало бы меня, если бы я питала хоть какие-то литературные амбиции или была наделена маломальским талантом. Я взглянула на Льюиса, он уже открыл глаза и теперь смотрел на меня.

— Как вас зовут?

— Дороти. Дороти Сеймур. Разве я не сказала?

— Нет.

Я сидела на краю кровати. Сквозь окно проникал вечерний воздух, напоенный ароматом моря — запахом столь сильным, что, несмотря на десятилетнюю привычку, он казался мне несколько навязчивым. Как долго мне еще наслаждаться этим воздухом? Как скоро в моей душе не останется ничего, кроме тоски по ушедшим годам,

поцелуям, мужском тепле? Мне следует выйти замуж за Пола, оставить эту безграничную веру в собственное железное здоровье и здравый смысл. Хорошо верить в себя, когда ты кому-нибудь нужен… А что потом? Потом, без сомнения, придет черед психиатров; от одной этой мысли меня начинало тошнить.

— У вас печальный вид, — сказал Льюис, взял мою руку и посмотрел на нее. Я тоже посмотрела на свою руку. Так мы оба и смотрели на нее с каким-то неожиданным, нелепым любопытством, он — потому что никогда прежде не видел, я — потому что в его руке моя казалась чужой, превратилась в нечто, более мне не принадлежащее. Никто еще не держал мою руку в своей так просто и естественно.

— Сколько вам лет? — спросил он.

К собственному удивлению я услышала, что говорю правду:

— Сорок пять.

— Вам повезло, — откликнулся он.

Я с удивлением посмотрела на него. Ему лет двадцать шесть, может быть, меньше.

— Прожить столько — это уже кое-что.

Он выпустил мою руку или скорее (как мне показалось) перегнул ее в запястье и легонько

оттолкнул, затем отвернулся и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Льюис, — сказала я, вставая.

— Спокойной ночи, — мягко ответил он. — Спокойной ночи, Дороти Сеймур.

Я тихо затворила за собой дверь и спустилась на террасу. Почему-то мне было очень хорошо.

Глава третья

«— Ты знаешь, я никогда тебя не забуду. Никогда не смогу забыть.

— Все забывается.

— Нет. Между нами было что-то роковое, и ты тоже это чувствуешь. Пойми… Ты должен это понять.»

Я прервала этот волнующий диалог из моего последнего шедевра и бросила вопросительный взгляд на Льюиса. Он поднял брови и улыбнулся.

— Ты веришь в роковые чувства?

— Это не обо мне, а о Ференце Листе и…

— А ты?

Я рассмеялась. Иногда мне казалось, что в жизни есть что-то роковое и что я никогда не смогу оправиться после некоторых любовных увлечений. Но вот я здесь, в своем саду, в прекрасном настроении, мне сорок пять, и я ни в кого не влюблена.

— Когда-то верила, — ответила я. — А ты?

— Пока нет.

Он закрыл глаза. Мало-помалу мы начали говорить о нем, обо мне, о жизни. По вечерам, когда

я возвращалась со студии, Льюис спускался из своей комнаты, опираясь на две трости, устраивался в плетеном кресле, и так — за несколькими стаканами виски — мы встречали ночь. Мне нравилось, приходя домой, видеть его, такого спокойного, загадочного, веселого и в то же время молчаливого, похожего на какое-то неземное существо. Только и всего. Я никоим образом не была влюблена в него, и, что странно, сама его красота пугала и почти отталкивала меня. Не знаю, почему. Он был слишком нежен, слишком строен, слишком безупречен. Нет, в нем не было ничего женоподобного, но, глядя на него, я вспоминала об избранной расе, о которой говорил Пруст: волосы его, казалось, сделаны из перьев, кожа — из шелка. Короче, ничего общего с тем сочетанием детскости и грубости, которая меня привлекает в мужчинах. Я даже сомневалась, что он бреется, что ему вообще надо бриться.

По его собственным словам, Льюис вырос в пуританской семье из Новой Англии. Получив кое-какое образование, он встал на ноги, сменил несколько работ, из тех, что обычно достаются молодым людям, и в результате оказался в Сан-Франциско.

Встреча с себе подобными, большая доза ЛСД,

гонка на автомобиле и драка привели его туда, где он теперь и был — то есть ко мне. Когда он поправится, то уйдет. Куда? Не знает. А пока мы вели беседы о жизни, об искусстве — он, кстати, несмотря на некоторые провалы, был неплохо образован — короче, наши отношения (хотя они и являлись самыми странными, какие только могут связывать двух людей) большинство назвало бы вполне цивилизованными. Однако Льюис, который непрерывно расспрашивал меня о моих прошлых романах, никогда не рассказывал о своих собственных любовных делах что настораживало, особенно в юноше его возраста. Он говорил о «мужчинах» и «женщинах» одинаково спокойным и беспристрастным тоном. А я, дожив до своих лет, все еще не могла произнести слово «мужчина» без того, чтобы не испытать робкой нежности или навеянного внезапным воспоминанием смущения, и временами чувствовала себя неловко.

— А когда ты впервые испытала на себе жестокость судьбы? — спрашивал Льюис. — Когда от тебя ушел первый муж?

— Бог мой, нет! Тогда я испытала облегчение. Представь, абстрактная живопись день и ночь, день и ночь… Вот когда ушел Фрэнк, тогда — да,

тогда я чувствовала себя, как больное животное.

— Кто такой Фрэнк? Второй муж?

— Да, второй. Ничего особенного, но он был всегда таким веселым, заботливым, жизнерадостным…

— И он бросил тебя?

— Им увлеклась Лола Кревет.

Льюис вопросительно поднял брови.

— Ты разве не слышал об актрисе по имени Лола Кревет?

Он неопределенно повел рукой. Несмотря на свое раздражение, я сделала вид, что все в порядке.

— Короче говоря, Фрэнк был польщен ее вниманием, воспарил на небеса и ушел от меня, чтобы жениться на ней. Тогда мне казалось, я никогда не приду в себя. Больше года. Тебя это удивляет?

— Нет. А что с ним стало?

— Через два года Лола увлеклась кем-то еще и бросила его. После нескольких неудач он спился. Конец истории.

Мы замолчали. Потом Льюис слабо застонал и попытался подняться с кресла.

— Что случилось? — встревоженно спросила я.

— Болит, — сказал он. — Мне кажется, я никогда не смогу ходить.

На секунду я представила себе, что он станет инвалидом, и я проведу подле него остаток своих дней… Странно, но эта мысль не показалась абсурдной или неприятной. Возможно, я достигла достаточной зрелости, чтобы принять на себя такую обузу. До сих пор, по крайней мере, я неплохо справлялась.

— Что ж, оставайся здесь, — весело сказала я, — а когда у тебя выпадут зубы, я буду варить тебе овсянку.

— Почему у меня должны выпасть зубы?

— Мне казалось, что именно это происходит, когда человек слишком долго остается в горизонтальном положении. Конечно, здесь есть нечто парадоксальное. По идее, согласно закону притяжения, они должны выпадать как раз в вертикальном положении… Но нет.

Он взглянул на меня искоса, почти как Пол, только дружелюбнее.

— В тебе что-то есть, — сказал он. — Знаешь, я бы никогда тебя не бросил.

Затем Льюис закрыл глаза, попросил почитать стихи, и я отправилась в библиотеку подобрать что-нибудь подходящее. Это был еще один наш ритуал. Ровным, низким голосом, чтобы излишне не утомлять его, я читала строки из «Оды Уолту

Уитмену» Гарсии Лорки:

«На небесах есть берега, где жизни избегают
Те люди, души и тела, что на рассвете
уж не смеют
Родиться вновь».

Глава четвертая

Новость застигла меня в самый разгар работы. Если быть точной, я диктовала секретарше захватывающий диалог между Мари Д'Агул и Ференцем Листом, конечно, каким он мне мыслился, впрочем безо всякого энтузиазма, так как накануне узнала, что Листа будет играть Нодин Дьюк, а мне было трудно представить себе такого мускулистого смуглого красавца в этой роли. Однако в кинематографе подобные дадаистские искажения неизбежны. Я как раз шептала: «Это безнадежно» на ухо своей рыдающей секретарше (она чрезвычайно сентиментальная особа), когда зазвонил телефон. Высморкавшись в платок, она подняла трубку, затем повернулась ко мне:

— Вас Пол Бретт. Говорит, что срочно.

Я подошла.

— Дороти? Ты уже знаешь?

— Нет, не думаю.

— Милая моя… о, господи… Фрэнк умер.

Я ничего не ответила, и Пол нервно продолжал:

— Фрэнк Тайлер, твой бывший муж. Покончил

с собой вчера ночью.

— Неправда, — сказала я.

Я не могла в это поверить. У Фрэнка никогда не было ни капли мужества. Во всем остальном — просто очарователен, но мужества никакого. А для того, чтобы решиться на самоубийство, по-моему, нужно быть чуть ли не героем. Подумайте, сколько людей никак не могут отважиться на это, хотя им ничего другого уже не остается.

— Да, — продолжал Пол, — он покончил с собой сегодня под утро, в третьеразрядной гостинице. Недалеко от тебя. Никаких объяснений.

Мое сердце билось медленно-медленно. Медленно и с трудом. Фрэнк… его жизнерадостность, смех, кожа… мертв. Странно, как смерть человека легкомысленного может произвести более тяжелое впечатление, чем гибель натуры глубокой. Нет, я не могла поверить…

— Дороти, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Дороти, ты должна приехать. У него никого нет, а Лола в Риме. Мне очень жаль, но тебе придется взять на себя все формальности. Я за тобой заеду.

Он повесил трубку. Я передала телефон секретарше — ее, одному Богу известно почему, звали

Кэнди[2] — и села. Она посмотрела на меня и, повинуясь шестому чувству, которое и делает ее незаменимой, открыла ящик с надписью «Дела» и протянула мне хранящуюся там всегда бутылку виски. В рассеянности я сделала большой глоток. Я знаю, почему людям, находящимся в состоянии шока, обычно предлагают выпить: алкоголь настолько омерзителен, что вызывает отторжение, своего рода физическую встряску, которая выводит из оцепенения лучше, чем что бы то ни было. Виски обожгло мне рот и горло, и я в ужасе очнулась.

— Фрэнк умер, — сказала я.

Кэнди снова уткнулась в платок. Уже не раз, в те часы, когда вдохновение покидало меня, мне предоставлялась возможность поведать ей печальную историю моей жизни. Она знала о Фрэнке, и от этого мне было легче. Я бы не вынесла, если бы в этот момент рядом со мной оказался кто-то, не ведавший о существовании Фрэнка. А ведь бедняга уже давно пропал из виду: о нем совершенно забыли, как о любой бывшей знаменитости. Самое ужасное, что здесь, в Голливуде, слава, умирая, превращается в нечто отврати-

---

[2] Примечания: 2
Candy (англ.) — конфетка.

тельное. Благодаря короткой строке в газете, туманным пересудам, грязным и безжалостным, которые неизбежно породит его самоубийство, Фрэнк, некогда бывший «очаровательным Фрэнком», вызывавшим всеобщую зависть мужем Лолы Кревет, Фрэнк, чей смех все еще звучал у меня в ушах, умрет дважды.

Пол приехал быстро. Он дружески взял меня за руку, однако не позволил себе ни единого жеста сочувствия, что наверняка повергло бы меня в слезы. Я всегда испытывала какую-то симпатию и даже нежность к мужчинам, с которыми когда-то спала, независимо от того, хорошо это или плохо. Странно, но иногда ночью наступает момент, когда лежащий рядом мужчина кажется тебе самым близким человеком на земле, и никто не в силах заставить меня думать иначе. Мужские тела, сильные и беззащитные, такие разные и такие одинаковые, более всего озабоченные тем, чтобы не походить на другие… Я вцепилась в руку Пола и мы вышли. Хорошо, что я никогда не любила Пола по-настоящему… Мне было бы тяжело, если бы кто-то, поистине принадлежащий моему настоящему, оказался свидетелем предстоящей мне встречи с прошлым.

Фрэнк лежал ко всему безразличный, навеки

уснувший, мертвый. Он выстрелил себе прямо в сердце, так что лицо осталось нетронутым. Я попрощалась с ним, подобно тому, как прощаются с частью самого себя, с тем, что утратил при взрыве, во время операции или из-за несчастного случая. У него были каштановые волосы. Странно, хотя это был обычный каштановый цвет, мне никогда не приходилось встречать мужчин с такими волосами. Пол решил отвезти меня домой. Я подчинилась. Когда мы сели в «ягуар», было четыре пополудни, и солнце жгло нам лица. Я думала о том, что Фрэнк, так любивший солнце, никогда уже не ощутит его обжигающих лучей на своем лице. С покойниками обходятся не слишком-то любезно: не успеют они умереть, как их запирают в темные ящики, а затем зарывают в землю. Чтобы избавиться от них. А иногда их, окоченевших, выставляют под лучами электрических ламп. Мне кажется, им следует дать последнюю возможность насладиться солнцем, хотя бы на десять минут, отвезти к морю, если при жизни они это любили, надо подарить им эту землю еще раз, прежде чем они навсегда соединятся с нею. Но нет, их наказывают за смерть. В лучшем случае им играют что-нибудь из Баха или другую церковную музыку, которую они, в большинстве

своем, не любили. Когда Пол затормозил у моего дома, я чувствовала себя раздавленной от навалившихся переживаний.

— Хочешь, я зайду на минутку?

Я машинально кивнула, потом вспомнила о Льюисе. Ладно, сейчас это не имеет никакого значения. В тот момент меня совершенно не волновали их взаимные колючие и настороженные взгляды, как не волновало и то, что они друг о друге подумают. Пол проводил меня до террасы, где Льюис, растянувшись в плетеном кресле, наблюдал за птицами. Он издали помахал мне рукой, однако осекся, увидев Пола. Я поднялась на террасу и остановилась перед ним.

— Льюис, Фрэнк умер.

Он протянул руку, робко коснулся моих волос, и тут я неожиданно сломалась. Я упала на колени и разрыдалась, уткнувшись лицом в этого ребенка, который даже не знал, что такое горе. Его рука нежно гладила мои волосы, лоб, мокрые от слез щеки; он молчал. Когда я успокоилась и оглянулась, Пол уже ушел, не сказав ни слова. Я вдруг поняла, что не могла плакать в его присутствии по одной простой причине: он ждал от меня именно этого.

— Представляю, на что я сейчас похожа, — ска-

зала я Льюису.

Я пристально посмотрела на него. Я знала, что мое лицо безобразно: глаза опухли, тушь потекла, но впервые в жизни, находясь рядом с мужчиной, я не придавала этому никакого значения. В ответном взгляде Льюиса я увидела свое отражение — маленькую зареванную девочку Дороти Сеймур сорока пяти лет. В нем было что-то темное, пугающее и одновременно внушающее доверие, что-то, исключающее любую фальшь.

— Тебе сейчас нелегко, — задумчиво проговорил он.

— Я очень долго его любила.

— Он бросил тебя, и теперь наказан, — отрывисто проговорил он. — Такова жизнь.

— Ты рассуждаешь по-детски. Слава Богу, в жизни все устроено иначе.

— Кто знает…

Льюис уже не смотрел на меня, он снова наблюдал за птицами каким-то отрешенным, скучающим взглядом. У меня промелькнула мысль, что его сочувствия хватает не так уж надолго. Я затосковала по плечу Бретта, по воспоминаниям о Фрэнке, которым мы могли бы вместе предаваться, по его руке, вытирающей время от времени мои слезы — словом, по той

уродливой, слезливой, сентиментальной комедии, которую мы разыграли бы на этой самой террасе. В то же время я испытывала странную гордость за то, что смогла обойтись без него. Я вошла в дом. Зазвонил телефон. Он не смолкал весь вечер: мои бывшие любовники, друзья, несчастная секретарша, компаньоны Фрэнка, репортеры (этих, к счастью, было немного), — все пытались не оставить меня в покое. Они уже знали, что, когда Лоле Кревет сообщили в Риме о случившемся, она не упустила случая упасть в обморок, а затем исчезла в обществе своего нового итальянского жиголо. Вся эта суета меня порядком утомила. Никто из стремившихся выразить свои соболезнования ни разу не помог Фрэнку при жизни. Именно я, вопреки всем американским законам о разводе, поддерживала его деньгами до конца. Последний удар нанес Джерри Болтон, глава Ассоциации актеров, человек — если его вообще можно назвать человеком, — который после моего возвращения из Европы затевал против меня одно дело за другим, пытаясь довести до полной нищеты, а затем, когда проиграл, принялся за Фрэнка, уже оставленного к тому моменту Лолой Кревет. При всем своем могуществе, он был по-настоящему низкий человек и прекрасно знал,

как я его ненавижу. У него, тем не менее, хватило наглости позвонить мне.

— Дороти? Мне так жаль. Я знаю, ты так любила Фрэнка…

— А я знаю, Джерри, что ты вышвырнул его вон и что по твоей милости его имя практически повсюду внесли в черные списки. Повесь трубку, сегодня мне не хочется грубить.

Он повесил трубку. Гнев пошел мне на пользу. Я вернулась в гостиную и объяснила Льюису, почему я ненавижу Джерри Болтона со всеми его деньгами и могуществом.

— Если бы не друзья и стальные нервы, он бы довел меня до самоубийства. Это самый лицемерный подонок из всех. Никогда никому не желала смерти, но тут я почти хочу, чтобы он сдох.

Таков был финал моей речи.

— Все потому, что ты недостаточно требовательна, — отрешенно заметил Льюис. — Он наверняка не один такой.

Глава пятая

Я сидела в своем офисе в «РКБ», нервно ерзая, не в силах оторвать глаз от телефона. Кэнди побледнела от волнения. Только Льюис, расположившийся в кресле для посетителей, был спокоен и, казалось, даже скучал. Все мы ждали результатов его кинопробы.

Однажды вечером, через несколько дней после смерти Фрэнка, он неожиданно принял решение. Он встал, сделал три уверенных шага, как будто никогда и не ломал ногу, и остановился передо мной.

— Смотри, я снова здоров.

Внезапно я осознала, что его присутствие и сам его физический недостаток вошли для меня в привычку, раньше я просто старалась не думать о том дне, когда он скажет: «До свидания, большое спасибо!», покинет мой дом, и я никогда больше не увижу его. Мною овладела странная печаль.

— Хорошая новость, — довольно неуверенно произнесла я.

— Ты думаешь?

— Конечно. А что… что ты теперь намерен

делать?

— Это зависит от тебя, — спокойно сказал он и снова сел.

Я перевела дух. По крайней мере, он не собирается уйти немедленно. В то же время его слова звучали интригующе. Как может судьба такого изменчивого, равнодушного, свободного человека зависеть от меня? В конце концов, я была для него не более, чем сиделкой.

— Если я останусь здесь, я в любом случае должен найти себе работу, — продолжил он.

— Думаешь обосноваться в Лос-Анжелесе?

— Я сказал «здесь», — Льюис кивнул в сторону своего кресла на террасе и после небольшой паузы добавил:

— Если, конечно, я не очень стесню тебя.

Я выронила сигарету, подняла ее и пробормотала нечто нечленораздельное, вроде: «А скажи… ну… понятно… если б я знала…» и тому подобного. Он смотрел на меня застывшим взглядом. Я бросилась на кухню и сделал большой глоток виски прямо из бутылки. Если бы я уже не была алкоголичкой, это непременно ожидало бы меня в будущем. Немного успокоившись, я вернулась на террасу. Пора объяснить этому мальчишке, что если я живу одна, то исключительно потому,

что сама этого захотела, и что я отнюдь не нуждаюсь в обществе молодого компаньона. К тому же, его присутствие в доме помешает мне приглашать поклонников, а это — большое неудобство. И многое, многое другое… Короче говоря, ему совершенно ни к чему оставаться у меня. Еще несколько минут назад я расстраивалась при мысли, что он уйдет, а теперь впала в гнев от его решения остаться. Впрочем, собственная непоследовательность давно уже меня не удивляет.

— Льюис, — сказала я, — нам надо поговорить.

— О чем говорить? — развел руками он. — Если ты против, я исчезну.

— Не в этом дело, — я растерялась.

— А в чем?

Я ошеломленно смотрела на него. Действительно, в чем? Была еще одна причина: мне вовсе не хотелось, чтобы он уходил. Он мне нравился.

— Это неприлично, — слабо возразила я.

Он залился смехом, смехом, который делал его таким молодым. Я разозлилась.

— Пока ты болел, не было ничего предосудительного в том, что ты здесь живешь. Ты оказался на улице, беспомощный…

— А теперь, когда я снова могу ходить, мое пребывание здесь перестало быть приличным?

— Его уже никак не объяснишь.

— Кому надо что-то объяснять?

— Всем!

— Ты что же, каждому отчитываешься в своей личной жизни?

Презрение, прозвучавшее в его голосе, вывело меня из себя.

— Льюис, не много ли ты на себя берешь? У меня своя жизнь, друзья… мною интересуются мужчины.

От этих последних слов я, к собственному стыду, покраснела. Мне же сорок пять! Льюис кивнул.

— Я знаю, что некоторые мужчины влюблены в тебя, например, этот парень… э-э-э… Пол Бретт.

— Между мной и Полом ничего не было, — заявила я тоном оскорбленной добродетели. — И вообще это тебя не касается. Просто твое пребывание здесь будет меня компрометировать.

— Ты давно уже выросла, — не без основания заметил Льюис. — Я всего лишь подумал, что если найду работу в городе, то смогу жить здесь. Я бы платил тебе за жилье.

— Мне не нужны деньги. Я зарабатываю достаточно, чтобы обойтись без квартирантов.

— Так мне было бы проще, — спокойно сказал Льюис.

После нескончаемой перепалки, мы пришли к компромиссу: Льюис начнет искать работу, а через некоторое время найдет себе и какое-нибудь жилье по соседству, если, конечно, у него будет еще такое желание. Он принял условия. Достигнув полного согласия, мы разошлись на ночь. Уже засыпая, я вспомнила, что мы не затронули самый главный вопрос: почему он хочет остаться у меня?

На следующий день я обошла несколько студий, рассказывая о молодом человеке с ангельской внешностью. Выслушав несколько колкостей, я сумела договориться о просмотре для Льюиса. Он отправился со мной на студию, со своей обычной невозмутимостью прошел кинопробу, и мой босс, Джей Грант, пообещал принять его на следующей неделе…

Все это произошло сегодня. А сейчас Джей сидел в кинозале, просматривая отснятые материалы, я грызла ручку, а Кэнди, влюбившаяся в Льюиса с первого взгляда, механически печатала на машинке.

— Вид отсюда не впечатляет, — лениво произнес Льюис.

Я посмотрела в окно на жухлый газон внизу. Подумать только, что волнует его в такой

момент! Он может стать кинозвездой, героем-любовником номер один в Соединенных Штатах, а рассуждает о каком-то виде! Я вообразила его любимцем публики, обремененным «Оскарами», проталкивающимся сквозь толпу и время от времени заезжающий на своем кадиллаке проведать бедную старушку Дороти, которая ему все это устроила. Я уже начала гордиться собой, когда зазвонил телефон. Влажной от волнения рукой я схватила трубку.

— Дороти? Это Джей. Дорогая, твой приятель очень хорош, просто великолепен. Приезжай, сама посмотришь. Он — лучшее, что я видел со времен Джеймса Дина.

— Он здесь, — сказала я сдавленным голосом.

— Вот и чудесно, захвати его с собой.

Получив поцелуи от Кэнди, слезные железы которой снова работали вовсю, мы прыгнули в мою машину и, побив рекорды скорости, преодолели две мили, отделявшие нас от студии, где попали прямо в объятия Джея. Говорить «мы» — не совсем точно, Льюис все это время насвистывал, покачивал ногой, в общем, откровенно скучал. Он вежливо приветствовал Джея и уселся рядом со мной в темноте; нам прокрутили запись.

На экране его лицо выглядело по-другому, в

нем появилось что-то неуловимое, волевое, жестокое и в то же время привлекательное… что-то смутившее меня. Незнакомец с потрясающей непринужденностью и естественностью встал, прислонился к стене, закурил, зевнул, улыбнулся, словно был совсем один. Камера ничуть его не смущала, казалось, он ее даже не замечает. Зажгли свет, и Джей торжествующе повернулся ко мне:

— Ну, Дороти, что скажешь?

Конечно, он только что сделал открытие. Ни слова не говоря, я несколько раз кивнула — лучшее средство скрыть свои подлинные чувства. Джей повернулся к Льюису:

— А что вы о себе думаете?

— Я не думаю о себе, — холодно ответил он.

— Где вы учились актерскому искусству?

— Нигде.

— Нигде? Ну, полно, дружище…

Льюис встал. С неожиданным отвращением он сказал:

— Я никогда не лгу, мистер… э-э-э…

— Грант, — машинально подсказала я.

— Я никогда не лгу, мистер Грант.

Впервые в жизни я увидела Джея Гранта в замешательстве. Он слегка покраснел.

— Я и не говорил, что вы лжете. Просто для новичка вы держитесь удивительно естественно. Дороти подтвердит.

Он повернулся ко мне, его молящий взгляд вызвал у меня желание расхохотаться. Но я пришла ему на помощь.

— Это правда, Льюис, ты великолепен.

Он посмотрел на меня, улыбнулся, затем внезапно наклонился ко мне так, будто мы были одни.

— Тебе действительно понравилось?

Его лицо находилось всего в дюйме от моего, и я неловко заерзала в кресле.

— Да, Льюис, уверена, тебя ждет большое будущее. Я…

Джей вежливо кашлянул, как я и ожидала.

— Я составлю контракт, а вы, Льюис, если хотите, можете показать его своему адвокату. Как мне с вами связаться?

Вжавшись в кресло, я с ужасом услышала, как Льюис спокойно ответил: «Я живу у миссис Сеймур».

Глава шестая

По причине моей слабой известности в Голливуде, большого скандала не получилось. Несколько намеков тут и там; несколько глупых поздравлений с успехами «моего протеже». Слухи так и не покинули пределов моего офиса. Ни один репортер не постучал в мою дверь. Короткая строка в газете сообщала, что знаменитый Джей Грант подписал контракт с никому неведомым молодым человеком — Льюисом Майлзом. Пол Бретт был единственным, кто всерьез поинтересовался за импровизированным обедом в студийном буфете, что я собираюсь делать с Льюисом. Он похудел, это ему шло, и приобрел тот налет печали, который в этой стране так свойственен сорокалетним мужчинам. Он вдруг заставил меня вспомнить, что на свете есть мужчины и любовь. Я весело ответила, что между мной и Льюисом ничего нет, что я просто за него рада и что он скоро съедет от меня. Взгляд Пола выражал полное недоверие.

— Дороти, ты мне всегда нравилась тем, что в отличие от других женщин не врешь и не лома-

ешь глупых комедий.

— И что?

— Только не говори мне, что ты вот уже месяц живешь с симпатичным молодым мужчиной в полной невинности. Я готов допустить, что он действительно не лишен привлекательности…

Я рассмеялась.

— Пол, поверь мне, он меня ни капли не интересует, так же как и я его. Понимаю, это кажется странным, но так оно и есть.

— И ты можешь поклясться?

До чего же очаровательна эта свойственная мужчинам мания вырывать клятвы по любому поводу! Я поклялась, что говорю правду, и, к моему изумлению, лицо Пола буквально просветлело. Я и не подозревала, что он может быть настолько доверчив, чтобы отнестись всерьез к женскому слову, или настолько влюблен, что его устроит любое мое обещание.

Тем не менее я действительно жила бок о бок с Льюисом уже больше месяца, проводя дома почти все вечера, и меня до сих пор еще не поглотила пучина его широкой постели, хотя эта сторона жизни всегда имела для меня огромное значение. Я внимательно оглядела Пола, отмечая про себя его обаяние, элегантность, отменные манеры,

и назначила свидание на следующий день. Мы договорились, что он позвонит мне около девяти, потом мы поужинаем и потанцуем. Мы расстались, совершенно очарованные друг другом.

На следующий день я вернулась домой раньше обычного, исполненная решимости одеться понаряднее и соблазнить Пола Бретта раз и навсегда. Льюис, как обычно, сидел в кресле и созерцал небеса. Он вяло помахал передо мной какой-то бумажкой. Проходя мимо, я увидела, что это его контракт с Грантом, предусматривающий участие Льюиса в трех картинах, вполне приличную еженедельную зарплату в течение трех лет и, разумеется, исключительные права. Быстро просмотрев документ, я посоветовала Льюису на всякий случай проконсультироваться с моим адвокатом.

— Ты доволен?

— Мне все равно, — ответил он. — Но если, по-твоему, все в порядке, я подпишу. Ты куда-то спешишь?

— Я приглашена на ужин, — мой голос звучал почти задорно. — Через час за мной заедет Пол Бретт.

Я поднялась наверх, залезла в ванну и, погрузившись в горячую воду, предалась оптими-

стичным размышлениям о своем будущем. Мне, решительно, удалось выпутаться из запутаннейшей ситуации: Льюису предстоит блестящая карьера, Пол все еще любит меня, мы вместе с ним поужинаем, развлечемся, возможно, займемся любовью… в общем, жизнь прекрасна. Я взглянула в зеркало на свое все еще стройное тело, сияющее лицо и, страшно довольная, мурлыкая песенку, скользнула в роскошный халат, присланный мне дочерью из Парижа. Затем, усевшись перед зеркалом, я извлекла многочисленные баночки с чудодейственными кремами и начала священнодействовать. В зеркале я увидела Льюиса. Он вошел в спальню без стука — меня это удивило, но не испортило прекрасного расположения духа, в котором я пребывала — и опустился на пол рядом со мной. Я успела накрасить только один глаз, отчего имела довольно глупый вид, и поспешила исправить положение.

— Где ты собираешься ужинать? — спросил Льюис.

— У Чейзена. Это ресторан в Лос-Анжелесе, где каждый просто обязан побывать. Скоро и ты станешь там появляться… в качестве звезды.

— Не говори ерунду.

Его голос звучал резко и грубо. На секунду моя

рука, держащая карандаш для бровей, зависла в воздухе.

— Это не ерунда. Там действительно премилое местечко.

Льюис ничего не ответил. Он опять смотрел в окно. Я почти закончила свой макияж, но, не знаю почему, что-то мешало мне красить губы в его присутствии. Это казалось неприличным, как раздеваться перед ребенком. Я снова прошла в ванную, старательно подчеркнула линию губ «а-ля Кроуфорд»[3] и надела свое любимое синее платье, копию модели Сен-Лорана. Я так долго возилась с «молнией», что совершенно забыла о Льюисе, и, возвращаясь в спальню, едва не споткнулась о него. Он вскочил на ноги и воззрился на меня. Я улыбнулась, втайне гордясь собой.

— Ну, как я тебе? — спросила я.

— Ты мне больше нравишься в роли садовника, — ответил он.

Я рассмеялась и направилась к двери. Пора было приготовить коктейль. Однако Льюис поймал меня за руку:

— А я что буду делать?

— Все, что тебе угодно, — ответила я в крайнем

---

[3] Примечания: 3

Джоан Кроуфорд — американская киноактриса, лауреат премии «Оскар» (1945).

удивлении. — В конце концов, есть телевизор, в холодильнике — копченый лосось, или... если хочешь, бери мою машину и...

Он продолжал держать меня за руку, его лицо отражало одновременно и твердость и нерешительность. Он смотрел на меня пустыми глазами, и я узнала тот слепой взгляд, который так поразил меня на студии: взгляд пришельца. Я безуспешно попыталась высвободить руку. Мне вдруг захотелось, чтобы поскорее приехал Пол.

— Отпусти меня, Льюис, я опаздываю.

Я говорила мягко, словно боясь его разбудить. На лбу и вокруг рта у Льюиса выступили бисерины пота. Я забеспокоилась, не плохо ли ему. Тут он неожиданно очнулся, увидел меня и отпустил мою руку.

— У тебя плохо застегнуты бусы, — сказал он.

Льюис положил мне руки на шею и легким движением поправил замок на моем жемчужном ожерелье, а затем отошел на шаг, и я выскользнула из комнаты. Все это длилось какое-то мгновение, но я успела почувствовать, как будто бы маленькая теплая капля влаги затрепетала у меня на шее и скатилась вниз по спине... Ничего общего с тем физическим возбуждением, которое может вызвать прикосновение мужских рук,

его-то я очень хорошо знаю.

Пол приехал вовремя, с Льюисом был очень мил — несколько снисходителен, но мил, — мы втроем выпили по коктейлю, и ко мне вернулся мой оптимизм. Уходя, я помахала Льюису — неподвижному, дивному, стройному силуэту в дверном проеме, такому изящному… очень изящному, слишком изящному. Вечер не обманул моих ожиданий. Я встретила миллион друзей, протанцевала два часа с Полом, и он был слегка навеселе, когда вез меня к себе домой. И я снова испытала удовольствие от запаха хорошего табака, тяжести мужского тела, любовного шепота в темноте. Пол был неутомим и нежен, признался мне в любви и попросил выйти за него замуж. Я, естественно, сказала «да», все еще находясь под впечатлением только что испытанного острого блаженства. В шесть утра я заставила Пола отвезти меня домой. Окно Льюиса было закрыто, утренний ветер шелестел в зарослях моего сада.

Глава седьмая

Прошел месяц. Льюис начал работать над второстепенной ролью в сентиментальном вестерне. Однако, когда однажды вечером нам прокрутили отснятый материал, стало ясно, что его лицо на экране притягивает всеобщее внимание. О нем заговорили. Но, казалось, его это совсем не волновало. Он молчаливо слонялся по студии, подолгу просиживал в моем офисе, слушая льстивые речи Кэнди, или грезил наяву среди никогда не демонтируемых голливудских декораций старых вестернов: деревни, балконы, деревянные лестницы, фальшивые фасады — пугающе безжизненные и вместе с тем трогательные, — за которыми ничего нет. Льюис мог часами бродить по искусственным улицам, затем присесть на ступеньку, выкурить сигарету… Вечером я отвозила его домой, где он часто оставался один, невзирая на все мои предложения. Пол был исполнен решимости притащить меня к священнику, и приходилось призывать на помощь всю свою дипломатию, чтобы противостоять его настойчивости. Все думали, что я, воображая себя сиреной,

наслаждаюсь обществом сразу двух мужчин, и это, хотя и придавало мне ощущение молодости, было несколько обременительно.

Такое милое положение длилось почти три недели. Можно ли выразить словами, насколько хороша жизнь, когда ты просто любишь ее? Дни, полные радости, и ночи, полные наслаждения, скрипки нежности, возбуждение от работы, невыразимое счастье пробуждения, а впереди — столько времени, целый нескончаемый день, прежде чем снова заснешь, застыв в позе смерти на своей подушке. Наверное, я не способна быть до конца благодарной ни небесам, ни Богу, ни моей матери, за то, что они дали мне возможность жить на этой земле. Все и так было моим: свежие или влажные простыни, плечо любовника рядом с моим или одиночество, серый или голубой океан, гладкая, ровная дорога, ведущая к студии, музыка из радиоприемника, изучающий взгляд Льюиса…

И вдруг я наткнулась на непреодолимое препятствие. Во мне проснулось чувство вины. Каждый вечер меня мучило ощущение, что я покидаю его навсегда. Всякий раз, когда я приезжала на съемочную площадку, где он работал, захлопывала дверцу машины и шла к нему уверенным шагом

женщины, у которой все «о-кей», видя его хмурое, нервное, задумчивое лицо, я думала — не обманываю ли я сама себя… не была ли вся моя жизнь, с ее радостью, любовью и самодостаточностью просто глупой ловушкой… не должна ли я бежать к нему, схватить его в свои объятия и спросить… но о чем? Что-то пугало меня. Я чувствовала, как меня тянет к чему-то неведомому, нездоровому, но, без сомнения, реально существующему. Поэтому я брала себя в руки, улыбалась и говорила: «Привет, Льюис», и он улыбался мне в ответ. Несколько раз я видела его в работе. Он замирал, подобно зверю, перед алчущей камерой, а затем делал несколько осторожных движений, похожий на льва, изнывающего от тоски в зоопарке, в чьи безжалостные глаза невозможно смотреть.

А потом Болтон решил его купить. Это было нетрудно: во всем Голливуде едва ли нашелся бы продюсер, способный отказать ему, и Джей Грант не был исключением. Болтон встретился с Льюисом, предложил более выгодные условия и перекупил контракт с Джеем. Я пришла в бешенство, тем более, что Льюис отказывался говорить об этой встрече. Мне пришлось буквально замучить его вопросами.

— Там был большой стол. Он сидел за ним с

сигаретой во рту. Он попросил меня подождать, потом снял трубку и кому-то позвонил.

— А дальше?

— На столе лежал журнал. Я стал его листать.

Ситуация начинала меня забавлять. Приятно было представить, как какой-то юнец листает журнал в присутствии самого Болтона.

— А потом?

— Когда он повесил трубку, то спросил, не думаю ли я, что нахожусь у дантиста.

— И что ты ответил?

— Что я никогда не был у дантиста, у меня очень хорошие зубы.

В подтверждение сказанного он наклонился ко мне и оттопырил пальцем верхнюю губу, обнажив белые и острые, как у хищника, клыки. Я кивнула в знак согласия.

— А потом?

— А потом — ничего. Он что-то промычал и сообщил мне, что я должен ценить его внимание… и тому подобное. И что он оплачивает мой контракт, что он позаботится о моей карьере… постой, как он сказал?… успешной карьере.

Он неожиданно рассмеялся.

— Я и успешная карьера!.. Я сказал ему, что это меня не интересует, все, чего я хочу — заработать

кучу денег. Кстати, знаешь, я нашел «Ролс».

— Что??

— Ну, «Ролс», такой, о каком вы с Полом на днях говорили. В который можно сесть не нагибаясь. Я нашел его для тебя. Ему лет двадцать, но он очень высокий и весь позолочен изнутри. Он у нас будет через неделю. Болтон предложил мне достаточно денег для первого взноса, вот я и подписал контракт.

Я была потрясена.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что купил мне «Роллс-Ройс»?

— А разве тебе этого не хотелось?

— Ты что же, собираешься таким вот образом осуществить все мои детские мечты? Сумасшедший!

Он сделал нежный, успокаивающий жест, который немного состарил его. Мы словно поменялись ролями. Вся ситуация, оставаясь чисто платонической, приобрела комичный оттенок. Трогательный, но комичный. Он, видимо, понял это по моему лицу и нахмурился.

— Я думал, ты обрадуешься, — сказал он. — Извини, мне пора идти.

Прежде чем я успела сказать хоть слово, он встал и ушел с террасы. Мучаясь раскаянием, я

отправилась в постель, однако около полуночи проснулась и написала Льюису благодарственную записку, составленную в столь слащавых выражениях, что в конце концов была вынуждена кое-что вычеркнуть. Я засунула послание ему под подушку и потом долго не могла заснуть, ожидая его прихода. В четыре утра его все еще не было, и с облегчением, к которому примешивалась печаль, я заключила, что он, наконец то, нашел себе любовницу.

Желая выспаться, я отключила телефон и поэтому не имела ни малейшего представления о случившимся, когда в полдень, все еще зевая, приехала на студию. Кэнди, с потемневшими от волнения глазами, вскочила мне навстречу. Можно было подумать, что ее электрическая пишущая машинка каким-то чудом подключилась к ее ногам.

Кэнди обвила меня руками за шею.

— Дороти, что ты обо всем этом думаешь?

— Бог мой, о чем?

Меня вдруг посетило ужасное видение: мне предлагают выгодный контракт, а Кэнди, несмотря на то, что я пребываю в абсолютно нерабочем настроении, не позволяет от него отказаться. Надо сказать, что хотя я с детства обладаю отмен-

ным здоровьем, окружающие относятся ко мне как к умственно отсталой.

— Ты ничего не знаешь?

Ее лицо засветилось еще большим удовольствием:

— Джерри Болтон умер.

Должна признать, что я, как и Кэнди, и как многие другие на студии, восприняла это известие с радостью. Я присела напротив Кэнди и заметила, что она уже успела достать виски и два стакана, словно желая отпраздновать событие.

— Что значит — умер? Льюис видел его еще вчера днем.

— Убит.

Она была на седьмом небе от счастья. Я невольно спросила себя, не следует ли возложить ответственность за ее мелодраматические повадки на мои велеречивые литературные творения.

— Кем?

Кэнди заговорила как-то сбивчиво и жеманно:

— Не знаю, как и сказать… Кажется, нравы мистера Болтона были… э-э-э…

— Кэнди, — резко сказала я, — у каждого из нас те или иные нравы. Говори яснее.

— Его нашли в одном из «этих» домов, около Малибу, кажется, он был там постоянным клиен-

том. Он пришел с молодым человеком, который исчез. Он и убил Болтона. По радио сказали, что это было зверское убийство.

Джерри Болтон неплохо умел скрывать свое истинное лицо на протяжении тридцати лет. Тридцать лет он играл роль безутешного, целомудренного вдовца. И все это время поливал грязью некоторых женоподобных актеров, губя их карьеры, как теперь выяснилось — с целью самозащиты… Бессмыслица какая-то.

— Почему дело не замяли?

— Думают, что убийца сразу же позвонил в полицию, а затем — в газеты. Тело нашли в полночь. Предпринимать что-либо было поздно, и хозяин заведения все рассказал.

Я машинально взяла стакан, но сразу же с отвращением поставила его обратно на стол. Было рановато начинать пить. Я решила пройтись по студии. Везде царило оживление, даже веселье, что мне несколько претило. Чья бы то ни было смерть не могла меня радовать. Все эти люди в свое время были либо унижены, либо уничтожены Болтоном, и теперь двойное известие о его тайной жизни и ужасной смерти доставляло им какое-то противоестественное удовольствие. Я пошла на площадку, где снимался Льюис. Его

работа начиналась в восемь, и бессонная ночь вряд ли пошла на пользу его форме. Тем не менее, когда я нашла его, он непринужденно опирался на парапет, весело улыбаясь. Он подошел ко мне.

— Льюис… ты слышал, что случилось?

— Да, конечно. Завтрашние съемки отменены. В знак траура. Мы можем поработать в саду.

Помолчав, он добавил:

— Нельзя сказать, что я принес ему удачу.

— Все это не на пользу твоей карьере.

Он махнул рукой, желая сменить тему.

— Ты нашел мою записку?

Он посмотрел на меня, краска залила его лицо.

— Нет, меня не было всю ночь.

Я рассмеялась.

— Ты имеешь на это полное право. Я только хотела сказать, что очень благодарна тебе за «Ролс», просто все произошло так неожиданно, что я не смогла тебе толком объяснить… Потом я так сожалела о случившимся…

— Ты никогда не должна раскаиваться из-за меня. Никогда.

Его окликнули. Он был задействован в любовной сцене вместе с восходящей звездой Джун Пауэр, брюнеткой с вечно приоткрытым ртом. Она с нескрываемым удовольствием бросилась

ему в объятия, и я поняла, что отныне Льюис перестанет ночевать в моем доме. В конечном счете, это было только естественно, и я отправилась в буфет, где меня ждал Пол.

Глава восьмая

«Ролс» оказался огромным и прелюбопытным: туристский автомобиль грязно-белого цвета с черными сидениями — вернее, они когда-то были черными — и с многочисленными деталями отделки из потускневшей меди. Модель 1925 года, это в лучшем случае. Настоящий монстр. Поскольку мой гараж вмещал всего одну машину, нам пришлось припарковать его в саду, где и так не хватало места. По обе стороны от него торчали высокие стебли сорняков, что выглядело совершенно очаровательно. Льюис, как завороженный, ходил вокруг авто кругами и даже покинул свое любимое кресло на террасе ради подушек его заднего сидения. Постепенно оно заполнилось его книгами, сигаретами и бутылками, и, возвращаясь со студии, он устраивался там, выставив ноги из открытой дверцы и наполняя свои легкие смесью аромата ночи и затхлого запаха, исходившего от старых сидений. Слава Богу, он и не заикался о том, чтобы на нем ездить, это было главным. Я вообще не могла понять, как он умудрился привести его к дому.

С обоюдного согласия, мы решили мыть автомобиль каждое воскресенье. Тот, кому в жизни не доводилось мыть в воскресное утро «Ролс» 1925 года, стоящий, как памятник, в запущенном саду, лишил себя великого удовольствия. Часа полтора мы драили его снаружи и примерно полчаса — внутри. Начиналось это так: Льюис помогал мне, занимаясь фарами и радиатором, а потом я одна колдовала над сидениями. Салон становился моим царством, и я превращалась в домохозяйку, причем куда более усердную, нежели в своем собственном жилище. Я протирала подушки особым восковым составом, затем до блеска — куском замши. Потом наступал черед застекленных окошечек приборной панели: сначала я дышала на них, а после терла фланелькой, и, наконец, моим счастливым глазам являлся сверкающий спидометр с максимальной отметкой 80 миль в час. В это время, снаружи, Льюис в майке с коротким рукавом занимался шинами, спицами и бамперами. К половине первого «Ролс» сиял, как новогодняя игрушка, и мы страшно радовались, глядя на него, ходили вокруг с коктейлями в руках, поздравляя друг друга с окончанием утренней работы. И я скажу вам почему: в этом не было никакого смысла. Пройдет еще неделя,

но скорее машину затянет дикий виноград, чем мы когда-нибудь ею воспользуемся. Однако в следующее воскресенье все повторится сначала. Мы с Льюисом как бы вновь открывали для себя радости детства — самые искренние, чистые и глубокие. А на следующий день, в понедельник, нам снова предстояло вернуться к работе за деньги, вполне конкретной и размеренной, которая позволяла есть, пить и спать — работе, успокаивающей общественное мнение на наш счет. Но как же я иногда ненавидела Это мнение и Эту работу! Впрочем, странно, поскольку стоит ненавидеть жизнь вообще, а мне она как раз нравилась, причем во всех своих проявлениях.

Одним прекрасным сентябрьским вечером я лежала на террасе, облачась в свитер Льюиса — тяжелый, колючий и теплый, именно то, что я люблю. Я с трудом заставила его отправиться со мной в магазин, где он, благодаря своим весьма неплохим доходам, и пополнил несуществующий гардероб. Я часто одалживала у него свитеры, как, впрочем и у всех, с кем когда-либо жила — единственный недостаток, за который они могли бы меня упрекнуть Я подремывала, читая в то же время наиглупейший сценарий, в который мне предстояло в трехнедельный срок вписать диа-

логи. Речь там шла о какой-то безмозглой девице, повстречавшей умного и образованного молодого человека, и расцветшей после первого же их свидания, или что-то в этом духе. Вся беда в том, что эта безмозглая девчонка показалась мне куда умнее и образованнее того юноши. Но в любом случае, я держала в руках бестселлер, и менять сюжетную линию было никак нельзя. Поэтому я зевнула и с искренней надеждой подумала, что вот-вот вернется Льюис. Однако вместо него заявилась — проездом из Цинеситы — знаменитая, бесподобная Лола Кревет в жалком твидовом костюмчике и с огромной брошью на воротнике.

Она остановилась у моего скромного жилища, шепнула несколько слов своему шоферу и рывком открыла ворота. Ей не сразу удалось обойти «Ролс», а когда она увидела меня, в ее глазах застыло немое изумление. Должно быть я выглядела довольно необычно, с упавшей ниже бровей челкой, в огромном свитере, возлежа в плетеном шезлонге, с бутылкой виски перед собой, наподобие одиноких алкоголичек, героинь Теннеси Уильямса, которые мне так нравились. Лола остановилась в полуметре от трех ступенек, ведущих на террасу, и трагическим голосом произнесла:

— Дороти, Дороти…

Я посмотрела на нее с удивлением. Лола Кревет была национальным достоянием; она никогда и нигде не появлялась без телохранителя, любовника и, как минимум, пятнадцати фоторепортеров. Что она делает в моем саду? Мы уставились друг на друга, как две совы, и я не могла не отметить, что она превосходно следит за собой. В свои сорок три она сохранила красоту, кожу и стать двадцатилетней девочки.

— Дороти… — снова сказала она.

Я медленно приподнялась на шезлонге и самым бесцветным голосом, какой только допускала элементарная вежливость, проквакала:

— Лола…

Тут она с грацией юной лани бросилась вверх по ступеням, отчего ее грудь мелко задергалась под костюмчиком, и упала в мои объятия. Я наконец осознала, что мы обе, я и она, вдовы Фрэнка.

— Боже мой, Дороти, стоит мне подумать, что меня здесь не было… что тебе одной, совсем одной пришлось обо всем позаботиться… Да, я знаю… ты была просто великолепна, все это говорят… Я просто не могла не заехать к тебе… Просто не могла…

Последние пять лет она даже не вспомнила о Фрэнке, ни разу не приехала его проведать. И я

подумала, что ей просто нечем занять вечер, или же новый любовник оказался не в состоянии удовлетворить ее чувственные аппетиты. А никто так, как скучающая женщина, не падок на чужое горе. Я философски предложила ей сесть, выпить, и мы принялись петь хвалу Фрэнку. Начала она с того, что покаялась в краже Фрэнка (но страсть извиняет все), я же — с того, что простила ее (ведь время лечит все), потом разговор потек дальше. Вообще-то Лола меня немного развлекала. Она говорила штампами, театрально акцентируя свои восторги и возмущения. Мы вспоминали с ней лето 1959 года, когда появился Льюис.

Улыбаясь, он спрыгнул с бампера «Ролса». Льюис был строен и красив, как мало кто из мужчин. На нем был старый пиджак и джинсы, волосы черной волной падали на глаза. Я увидела, собственно говоря, то, что видела каждый день, но, поймав взгляд Лолы, почувствовала это с новой остротой. Звучит довольно странно, но она споткнулась. Споткнулась, как лошадь перед препятствием, как женщина перед мужчиной, которого она захотела сразу и страстно. Улыбка Льюиса погасла; он ненавидел незнакомцев. Я дружески представила их друг другу, и Лола тут же пустила в ход все свое оружие.

Она не была ни дурой, ни дешевой кокеткой. Эта женщина имела голову на плечах, положение и профессиональный вес. Я просто восхищалась ее игрой. Она и не пыталась ослепить или восхитить Льюиса, а сразу переняла наш стиль отношений, поговорила о машине, небрежно наполнила свой стакан и как бы вскользь поинтересовалась его планами — короче говоря, являла собой женщину дружелюбную, открытую, и страшно далекую от «всего этого» (то есть, от Голливуда). Но в брошенном на меня взгляде я совершенно ясно прочла, что она принимает Льюиса за моего любовника и решила его увести. После бедняги Фрэнка это уж чересчур, и все-таки… Признаюсь, я почувствовала легкое раздражение. Одно дело развлекаться с Льюисом, но снова делать из меня дуру… Просто страшно, на какую глупость может толкнуть тщеславие. Впервые за эти шесть месяцев я позволила себе жест собственницы в отношении Льюиса. Он сидел на земле, смотрел на нас и почти ничего не говорил. Я протянула ему руку:

— Прислонись к моему креслу, Льюис, оно послужит тебе спинкой.

Он прислонился, и мои пальцы машинально заблудились в его волосах. Он тут же, с неожидан-

ной властностью, откинул голову назад, прямо мне на колени; его глаза были закрыты, он казался абсолютно счастливым, и я отдернула руку как от ожога. Лола побледнела, но это не доставило мне никакого удовольствия: я стыдилась себя самой.

Тем не менее, Лола продолжала что-то говорить, сохраняя полное хладнокровие, тем более похвальное, что Льюис так и не убрал голову с моих колен и, казалось, потерял всякий интерес к беседе. Сейчас мы с ним очень походили на любовников, и когда первая неловкость прошла, я едва не расхохоталась. Наконец Лоле это надоело и она встала. Я тоже поднялась, чем, разумеется, побеспокоила Льюиса. Он встал, потянулся и уставился на Лолу с таким ледяным нетерпением и скукой во взоре, так явно торопя ее уход, что в ответ она одарила его холодным взглядом, каким обычно смотрят на неодушевленные предметы.

— Я покидаю тебя, Дороти. Боюсь, что помешала. Но я оставляю тебя в приятной компании, хотя и не уверена, что это хорошо.

Льюис и ухом не повел. Я тоже. Ее шофер уже распахнул дверцу автомобиля. Лола рассвирепела:

— Разве вам не известно, молодой человек, что

дам следует провожать?

Она повернулась к Льюису, а я просто остолбенела: ее знаменитая выдержка изменяла ей крайне не часто.

— Так то дам, — спокойно ответил Льюис. И не сдвинулся с места.

Лола подняла руку, словно собираясь дать ему пощечину, и я закрыла глаза. Лола была знаменита своими оплеухами как на экране, так и в жизни. Сперва она била по щекам ладонью, а затем тыльной стороной кисти, причем без малейшего движения плечом. Но теперь ее что-то остановило. Я тоже посмотрела на Льюиса. Он будто окаменел, ослеп и оглох, почти не дышал, а вокруг рта выступили бисерины пота. Однажды я уже видела его таким. Лола сделала шаг назад, затем еще один, словно желая вырваться из-под гипноза. Она испугалась, да и я тоже.

— Льюис, — сказала я и положила руку ему на плечо.

Он очнулся и поклонился Лоле с какой-то старомодной грацией. Она смотрела на нас во все глаза.

— В следующий раз, Дороти, найди себе кого-нибудь постарше и повежливее.

Я не ответила. Я была совершенно разбита.

Завтра об этом узнает весь Голливуд. И Лола отыграется сполна. Это означало две недели беспрерывных бурь.

Лола уехала, и я не удержалась от небольшого выговора Льюису. Он посмотрел на меня с сожалением:

— Тебя это действительно расстраивает?

— Да, я ненавижу сплетни.

— Об этом я позабочусь, — миролюбиво сказал он.

Но он не успел. На следующее утро, по дороге на студию, машина Лолы Кревет не вписалась в поворот и упала в долину, ярдах в ста ниже дороги.

Глава девятая

Похороны были пышными. За два месяца трагически погибло две голливудских знаменитости. Считая Джерри Болтона. Несчетное количество венков от бесчисленных живых покрывало кладбище. Я была с Полом и Льюисом. Три могилы… После Фрэнка был Болтон. И вот я снова иду по этим узким, ухоженным дорожкам. Я похоронила трех человек, таких разных и таких похожих своей слабостью, жестокостью, алчностью и разочарованностью, трех человек, охваченных безумием, столь же загадочным для них самих, как и для окружающих. И, если задуматься, это особенно угнетало. Что именно ставит жизнь между людьми и их самыми сокровенными желаниями, их пугающей решимостью быть счастливыми? Сам ли это образ счастья, который они рисуют для себя и который противоречит их жизни? Или это время? Или отсутствие такового? Или ностальгия, грызущая нас с самого детства?

Вернувшись домой и сидя между двумя моими мужчинами, я говорила об этом, задавая свои трудные вопросы и им, и звездам. Ни те, ни другие

не могли мне ответить. Надо сказать, что звезды мигали столь же немощно на мои слова, как и глаза собеседников. Из магнитофона лились звуки «Травиаты», самой романтической музыки в мире, от которой меня всегда клонило к размышлениям. Наконец их молчание мне надоело.

— Льюис, ты счастлив?

— Да.

Его напряженный ответ должен был меня образумить, но я настаивала:

— И ты знаешь почему?

— Нет.

Я повернулась к Полу:

— А ты, Пол?

— Надеюсь, что скоро буду абсолютно счастлив.

Этот намек на наш предстоящий брак немного меня охладил. Я сделала вид, что не поняла.

— Но послушай, вот сидим мы здесь втроем, тепло, земля круглая, на здоровье не жалуемся, мы счастливы… Так почему же у всех наших знакомых такой голодный, хищнический взгляд?.. В чем тут дело?

— Имей совесть, Дороти, — простонал Пол, — я не знаю. Читай газеты, там полно статей на эту тему.

— Почему никто никогда не говорит со мной серьезно? — яростно воскликнула я. — Я что, глупая гусыня? Совсем дура?

— С тобой просто невозможно всерьез говорить о счастье, — ответил Пол. — Ты — живой ответ. Не могу же я обсуждать существование Всевышнего с самим Всевышним!

— Это потому, — коротко бросил Льюис и запнулся, — потому… потому, что ты хорошая.

Он резко поднялся, и на него упал свет из гостиной. Он поднял руки, словно собираясь произнести пророчество, да и вообще выглядел необычно.

— Ты… пойми… ты хорошая. Люди, в большинстве своем, плохие, и поэтому… поэтому не могут быть хорошими даже к себе самим, и…

— Боже мой, — отозвался Пол, — почему бы нам еще не выпить? Где-нибудь в другом месте?.. Ты с нами, Льюис?

Он впервые пригласил его, и, к моему удивлению, Льюис согласился. Мы решили отправиться в один из клубов хиппи рядом с Малибу. Все трое забрались в «ягуар» Пола, и я со смехом отметила, что внутри Льюис смотрится куда лучше, чем перед капотом, как было тогда, когда мы увидели его впервые. После этого мудрого замечания мы

поехали вниз по дороге, и ветер свистел в ушах и слепил глаза. Я чувствовала себя замечательно, сидя между своим любовником и младшим братом, почти что сыном, — двумя красивыми, щедрыми, добрыми мужчинами, которых я любила. Я думала о бедной Лоле, погибшей и зарытой в землю, о том, как мне невероятно повезло, о том, что жизнь — это волшебный дар.

Клуб был переполнен молодежью, в основном бородатой и длинноволосой, и нам с трудом удалось отыскать свободный столик. Если Пол хотел меня просто заткнуть, то это ему вполне удалось: музыка так грохотала, что говорить не имело ни малейшего смысла. Но все же, вокруг скакала и прыгала веселая толпа, а виски оказалось вовсе недурным. Я не сразу заметила отсутствие Льюиса. Только когда он сел за наш столик, я обратила внимание на его странный, немного остекленевший взгляд. Это было странно: он никогда не пил много. Заиграла медленная музыка, я потанцевала с Полом, и уже возвращалась к столику, когда случилось непредвиденное.

Какой-то самоуверенный бородатый парень, попавшийся мне на пути, толкнул меня.

— Простите, — автоматически пробормотала я, но он так нагло на меня уставился, что мне

стало страшно. Ему было лет восемнадцать, на улице наверняка стоял его мотоцикл, а несколько глотков спиртного оказались слишком большой дозой для его детского организма. Он очень походил на тех негодяев в кожаных куртках, о которых постоянно писали в журналах.

— Что ты здесь делаешь, старуха? — буквально пролаял он.

Чтобы выйти из себя, мне хватило секунды. А в следующее мгновение у меня перед глазами, словно снаряд, мелькнуло человеческое тело и вцепилось в горло длинноволосому. Это был Льюис. Они покатились по полу, переворачивая столики, прямо под ноги танцующим. Грохот был страшный. Я пронзительно окликнула Пола и увидела, как он пытается пробиться сквозь толпу в ярде от меня. Но молодежь, явно наслаждаясь зрелищем, стояла вокруг дерущихся плотным кольцом и не давала ему пройти.

— Льюис, Льюис! — крикнула я, но он с глухим рычанием катался по полу, все еще держа парня в кожаной куртке за глотку.

Так длилось примерно минуту, целую минуту настоящего кошмара. Внезапно они прекратили драку и, обессиленные, застыли на полу. В полумраке клуба их фигуры различались с трудом,

но это затишье пугало куда больше ударов. Тут кто-то крикнул:

— Да разнимите, разнимите же их!

Сзади меня возник Пол. Он отпихнул зрителей, если их вообще можно так назвать, и бросился вперед. Затем я увидела руку Льюиса. Длинную, тонкую руку, вцепившуюся в горло неподвижно лежащего парня. Пол склонился над ним, разогнул, один за другим, его пальцы, после чего меня в полуобморочном состоянии довели до стула и усадили на него.

Конец истории довольно сумбурен. Толпа зажала Льюиса в одном углу, а в другом откачивала кожаную куртку. Так как никто и не думал сообщать в полицию, мы втроем тут же покинули клуб. Льюис казался спокойным, спокойным и отрешенным. Все молча сели в «ягуар». Пол тяжело дышал. Он достал сигарету, прикурил ее и протянул мне. Затем закурил другую. Мотор он пока не заводил.

Я повернулась к нему и, как можно веселее, сказала:

— Ну и ну… Вот так вечерок…

Он не ответил и, перегнувшись через меня, пристально посмотрел на Льюиса.

— Что ты принял, Льюис? ЛСД?

Льюис промолчал. Я резко выпрямилась на сидении и взглянула на него. Его голова была откинута назад, глаза уставились в небо, в другой мир.

— Впрочем это отнюдь не оправдывает того, — мягко продолжил Пол, — что ты едва кого-то не убил… Что случилось, Дороти?

Я замялась. Ответить было не так-то просто.

— Тот парень решил, что я немного… м-м-м… старовата для их компании.

Я ждала, что Пол рассмеется или возмутится, но он только пожал плечами, и мы тронулись с места.

Всю дорогу до дома в машине царило молчание. Льюис, похоже, спал, а мне не давала покоя мысль, что он, видимо, накачался своим любимым ЛСД. До сих пор я ничего не имела против наркотиков, просто мне лично хватало алкоголя, все же остальное меня пугало. Кроме того, я боялась самолетов, подводного плавания и психиатрии. Я чувствовала себя уверенно лишь на земле, сколько бы грязи на ней при этом ни было. Когда мы приехали, Льюис вышел первым, пробормотал что-то бессвязное и исчез в доме. Пол помог мне выбраться из «ягуара» и проводил меня на террасу.

— Дороти… помнишь, что я говорил тебе о Льюисе еще тогда?

— Да, Пол. Но ведь теперь он нравится тебе. Разве не так?

— Да. Это правда. Я…

На мгновение он запнулся, что совсем было на него не похоже, а затем взял мою руку и поцеловал ее.

— Он… знаешь, я думаю, он немного не в себе. Ему, кажется, жаль, что он не убил того парня.

— А кто может быть в себе после дозы этой жуткой дряни? — логично заметила я.

— Но факт остается фактом: он склонен к насилию, и мне не нравиться, что ты живешь с ним в одном доме.

— Честно говоря, я думаю, он слишком увлечен мною, чтобы причинить вред.

— В любом случае, ему предстоит стать звездой, и ты скоро от него избавишься. Так сказал мне Грант. Они решили построить на нем свою следующую кампанию. Что уж там, талант у него есть… Дороти, когда ты за меня выйдешь?

— Скоро, — ответила я, — очень скоро.

Я наклонилась и быстро поцеловала его в губы. Он вздохнул. Я оставила его и пошла в дом, посмотреть, что поделывает завтрашняя супер-

звезда. Льюис лежал, растянувшись на моем мексиканском ковре и обхватив голову руками. Я отправилась на кухню, разогрела кофе и налила ему чашку, репетируя в голове речь с вреде наркотиков. Затем вернулась в гостиную, опустилась на колени рядом с ним и довольно энергично потрясла его за плечо. Никакого эффекта.

— Льюис, выпей кофе.

Он не двигался. Я еще сильнее встряхнула его. Видимо, он бился с ордой китайских драгун и разноцветными змеями. Это меня немного разозлило, но тут я подумала, как он дрался из-за меня час назад, а подобный поступок способен растопить сердце любой женщины.

— Льюис, дорогой, — шепнула я.

Он перевернулся на спину и бросился ко мне в объятия. Его трясли, колотили, душили какие-то странные, могучие рыдания, и он снова напугал меня. Он положил голову мне на плечо, мой драгоценный кофе пролился на ковер, а я, неподвижная, растроганная и испуганная, слушала, как с его губ прямо мне в волосы сыпались слова бессвязной исповеди:

— Я мог убить его… О, я должен был… еще бы секунда, и… Говорить все это… тебе… Ах, я должен был… должен был… его…

— Но послушай, Льюис, нельзя же так драться с людьми, это неразумно.

— Свинья… он же свинья… у него глаза зверя. У них у всех глаза зверей… у всех… ты не видела… Они бы оторвали тебя от меня и загрызли… тебя… тебя, Дороти.

Я погладила его по затылку, ласково взъерошила волосы и поцеловала в макушку, немного растерявшись, словно перед детским горем.

— Ну же, успокойся, все хорошо, все хорошо… — бормотала я ничего не значащие слова.

Стоя на коленях, с его головой на моем плече, я почувствовала, что у меня начинает сводить икры, и сказала себе: подобные сцены уже не для женщин моего возраста. На моем месте следовало бы оказаться юной, трепетной девушке, способной вернуть ему веру в себя и вкус к жизни. Я же хорошо знала, какой бывает жизнь, слишком хорошо знала. Наконец он успокоился. Я отпустила его, он осел и снова вытянулся на ковре. Укрыв его вязаной шерстяной шалью, я, еле переставляя ноги от усталости, отправилась наверх, в свою спальню.

Глава десятая

Я проснулась среди ночи, дрожа от привидевшегося кошмара. Почти час я просидела на постели в полной темноте, как сова, составляя в голове осколки минувших событий. Потом, все еще под впечатлением жуткого сна, спустилась на кухню, налила себе чашку кофе и, немного подумав, рюмку коньяка. Начинало светать. Я вышла на террасу и посмотрела на восток, где пересекавшая пол-неба длинная белая полоса меняла свой цвет на голубой, затем перевела взгляд на «Ролс», которого снова атаковал дикий виноград — была пятница, — потом на любимое кресло Льюиса, потом на свои пальцы, обхватившие поручень балюстрады, но все еще подрагивающие. Понятия не имею, сколько я так простояла, вцепившись в этот поручень. Время от времени я садилась в кресло, но тут же, вновь встревоженная все той же мыслью, вскакивала, как марионетка. Я даже не выкурила еще ни одной сигареты.

В восемь часов за стеной, прямо у меня над головой, раздался грохот в комнате Льюиса, и я снова вскочила. Я слышала, как он, насвистывая,

спустился по лестнице и зажег газ под кофейником. Сон, похоже, изгнал из него остатки ЛСД. Я глубоко вдохнула свежий утренний воздух и прошла на кухню. Он удивленно взглянул на меня, я же с секунду рассматривала его, вновь поражаясь его молодости, безалаберности и красоте.

— Прошу прощения за вчерашнее, — быстро проговорил он. — Я никогда больше не дотронусь до этого мерзкого зелья.

— Вот и хорошо, — угрюмо ответила я и села на стул.

Меня вдруг страшно обрадовало, что есть с кем поговорить. Пусть даже с ним. Он не спускал глаз с закипающего кофейника, готовясь вовремя снять его с плиты, и все же что-то в моем голосе привлекло его внимание:

— Что с тобой?

Он казался таким невинным в своей пижаме, его брови взлетели вверх, и я засомневалась. Тщательно сопоставленная ночью цепь совпадений, смутных догадок, улик и намеков начала рассыпаться.

— Льюис… ведь это не ты убил их, правда?

— Кого?

Его вопрос прозвучал так обескураженно, что я отвела глаза.

— Всех их. Фрэнка, Болтона, Лолу.

— Я.

Я застонала и откинулась на спинку стула. Он заговорил спокойным, размеренным тоном:

— Но тебе нечего об этом беспокоиться. Не осталось никаких следов. И они не станут нам больше надоедать.

Он долил воду в кофейник. Я ошеломленно уставилась на него.

— Но, Льюис… ты в своем уме? Нельзя же так вот просто убивать людей. Это… Так нельзя!

Выбранные мною слова прозвучали слабо и бесцветно, но я была так поражена, что ничего другого не могла придумать. Кроме того, сама не знаю почему, но в трагических ситуациях мне в голову не шло ничего, кроме самых банальных вежливых фраз.

— Если бы ты только знала, сколько людей сплошь и рядом преспокойно переступают через это твое «так нельзя», обманывая, подкупая, унижая, бросая других…

— Но убивать нельзя, — твердо сказала я.

Он пожал плечами, Я ожидала душераздирающей сцены, и эта спокойная беседа ставила меня в тупик. Он снова заговорил:

— Как ты узнала?

— Я думала об этом. Всю ночь думала.

— Ты, должно быть, страшно устала. Хочешь кофе?

— Нет. И я не устала, — резко ответила я. — Льюис… что ты собираешься делать?

— Ну… ничего. Это же самоубийства, «чистая смерть». Никто никого не сбивал машиной… Никаких улик. Все в порядке.

— А я? — мой голос перешел почти на крик. — А как же я? Что же мне теперь, жить с убийцей? Позволять тебе просто так лишать людей жизни и сидеть сложа руки?

— Просто так? Но, Дороти, я убивал только тех, кто когда-то обидел тебя или продолжал обижать. Это не просто так.

— Да что с тобой? Ты не мой телохранитель. Разве я тебя о чем-то просила?

Он наконец оставил кофейник в покое и посмотрел мне в глаза.

— Нет, — ответил он, — но я люблю тебя.

Тут моя бедная голова закружилась, я сползла со стула и, не без помощи измотавшей меня бессонной ночи, впервые в жизни лишилась чувств.

Я пришла в себя на диване и увидела перед собой Льюиса; у него было совершенно потрясен-

ное лицо. Мы молча посмотрели друг на друга, и он протянул мне бутылку виски. Не отрывая от него глаз, я сделала глоток, потом другой. Сердце вернулось в нормальный ритм. И мной сразу овладела ярость.

— А, так значит ты меня любишь? Да ну? И поэтому ты убил беднягу Фрэнка? И Лолу? Так почему же ты не расправился с Полом, пока еще была возможность? Ведь, в конце концов, он мой любовник!

— Потому что он любит тебя. Но если Пол попытается бросить или обидеть тебя, я и его убью.

— Боже мой, да ты сумасшедший! И многих ты отправил на тот свет до нашей встречи?

— Никого. Не было причины. До встречи с тобой я никого не любил.

Он вскочил и зашагал по комнате, потирая подбородок. Мне казалось, что мой кошмарный сон продолжается.

— Понимаешь, до шестнадцати лет все только и делали, что били меня. Мне никто ничего не дал. А потом я вдруг всем сразу понадобился. Мужчинам, женщинам — всем, но при условии, что я э-э-э… что я…

Этот стыдливый убийца перешел все границы. Я оборвала его:

— Да, понятно.

— Никто ничего не дал. Понимаешь? Никто и ничего, за просто так. Никогда и ничего бесплатно. Все. Кроме тебя. Лежа в кровати там, наверху, я был уверен, что и ты… ну… войдешь однажды и…

Он покраснел. Боюсь, что я тоже. Я казалась себе то Дж. Х. Чейзом, то Кэтлин Норрис. Я потеряла дар речи.

— Когда же я понял, что все делается просто так, от чистого сердца, я полюбил тебя. Все очень просто. Знаю, ты считаешь меня слишком молодым, предпочитая Пола Бретта. Я не интересую тебя, но я, по крайней мере, могу защищать тебя. Вот и все.

Вот и все. Как он и сказал. Вот и все, вот и все… Я сама засунула себя в осиное гнездо. И ничего не могу с этим поделать. Мне конец. Тогда на дороге я вытащила из канавы безумца, убийцу, жертву навязчивой идеи. Пол снова оказался прав. Пол всегда прав.

— Ты не держишь на меня зла за это? — мягко спросил Льюис.

Я не ответила. Как можно за что-то «не держать зла» на человека, убившего троих, дабы угодить одному? Его вопрос звучал немного по-

детски, подумала я, вернее попыталась подумать, поскольку голова моя в тот момент была совершенно пуста.

— Ты знаешь, Льюис, что мой долг передать тебя в руки полиции.

— Как хочешь, — спокойно сказал он.

— И я немедленно позвоню туда, — слабым голосом добавила я.

Он поставил передо мной телефон, и мы оба уставились на него, как на пустое место, словно к нему не был подведен шнур.

— Как ты сделал это? — спросила я.

— Начнем с Фрэнка. От твоего имени я договорился с ним о встрече в мотеле, предварительно забронировав номер по телефону. Я вошел через окно. Как разобраться с Болтоном, я понял сразу. Я якобы уступил его домогательствам. Он тут же согласился встретиться со мной в одном отеле с сомнительной репутацией. Он был очень доволен. Я мог свободно входить и выходить, так как ключ он отдал мне. Меня никто не видел. Что же касается Лолы, то я провел всю ночь под ее машиной, откручивая болты на передних колесах. Вот и все.

Я могла сохранить все в тайне и просто вышвырнуть Льюиса из дома. Но это было все равно

что выпустить на улицу льва. Он станет следить за мной издалека и продолжать убивать, как заведенный. Я могла приказать ему покинуть город, но он подписал долгосрочный контракт, и студия разыщет его везде, куда бы он ни направился. И я не могла заявить на него в полицию. Я вообще не могла ни на кого заявить. Я оказалась в ловушке.

— Знаешь, — сказал Льюис, — никто из них не страдал. Все происходило очень быстро.

— Как это милосердно, — съязвила я. — Ведь ты вполне способен зарезать перочинным ножом.

— Ты отлично знаешь, что это не так, — ласково сказал он.

Он взял мою руку. Несколько мгновений я бессознательно позволяла ему удерживать ее. А потом вдруг вспомнила, что его теплые, нежные, тонкие пальцы убили трех человек, и удивилась, почему это меня больше не ужасает. Решительным движением я высвободила свою руку.

— А тот вчерашний парень, ведь и его ты хотел убить, не так ли?

— Да, но это было бы полным идиотизмом. Я сдуру принял дозу ЛСД и не ведал, что творю.

— Но даже без этого… Льюис, ты хоть понимаешь, что ты натворил?

Он посмотрел на меня. Я пристально изуча-

ла его зеленые глаза, совершенную линию рта, черные волосы, мягкую кожу в поисках хоть какого-то признака понимания или признака садизма, но ничего не обнаружила. Ничего, кроме безграничной нежности ко мне. Он смотрел на меня, как смотрят на ребенка, устроившего истерику из-за пустяка. Могу поклясться, глаза Льюиса говорили, что он прощает меня. Такого вынести я уже не могла и… разревелась. Он обнял меня, ласково погладил по голове, и я не оттолкнула его.

— Между нами говоря, — шепнул он, — сегодня утром мы оба уже достаточно поплакали.

Глава одиннадцатая

Разумеется, у меня страшно разболелась печень. Всякий раз, когда происходит что-то серьезное, случается приступ. Этот длился два дня и дал мне сорокавосьмичасовую передышку, во время которой я не могла думать ни о чем другом. Потом боль постепенно отступила, и мой мозг снова был готов к принятию решений. Может показаться, что два дня мучений — невеликая расплата за три трупа, но критиковать меня за это способен лишь тот, кто сам никогда не корчился от печеночных коликов. Когда я, все еще не до конца окрепнув, выбралась из постели, то просто не могла больше мириться с существованием каких бы то ни было проблем. Я просто поставила на них крест. По значимости я мысленно уравняла преступления Льюиса со своим подоходным налогом. Кроме того, бедняга все два дня не отходил от меня ни на шаг, колдуя над компрессами, лекарствами и отваром ромашки. Он был до смерти перепуган, и я просто не могла укусить кормившую меня руку.

Тем не менее, я решила разобраться с ним раз и навсегда. И едва я снова оказалась в состоянии

проглотить бифштекс и запить его виски, я позвала Льюиса в гостиную и предъявила ему свой ультиматум:

1) Он должен торжественно поклясться никого больше не убивать без моего на то позволения. (Конечно, я никогда бы такого не разрешила, но сочла за благо оставить ему некоторую надежду.)

2) Он прекратит принимать ЛСД.

3) Он наконец постарается обзавестись собственным жильем.

В третьем пункте я немного лицемерила. Он с самым серьезным видом со всем согласился. И все же, не желая жить под одной крышей с садистом, я путем наводящих вопросов попробовала выяснить, какой отпечаток оставили на нем эти три преступления. Он мягко — не настойчиво, а именно мягко — заверил меня, что никакого. Он, по его собственным словам, не испытывал ни горя, поскольку плохо знал убитых, ни удовольствия. Это относилось ко всем троим. Также его не мучили ни угрызения совести, ни ночные кошмары; короче говоря, у него не было морали. Я вдруг забеспокоилась: а куда же подевалась моя?

За время болезни Пол Бретт дважды приезжал навестить меня, но я отказывалась его принять.

Когда болит печень, больше всего на свете хочется одиночества. А мысль показаться своему любовнику с пожелтевшей кожей, немытыми волосами и опухшими глазами казалась просто оскорбительной. С другой стороны, присутствие Льюиса меня совершенно не смущало. Возможно потому, что между нами ничего не было. А когда в то утро он сказал, что любит меня, причем именно так, как он это сделал, я поняла: даже если я вся покроюсь лишаями, ему наплевать. С чисто женской точки зрения я никак не могла решить, хорошо это или плохо. Именно это я и попыталась втолковать Полу в ответ на его вежливые упреки, когда вернулась в офис.

— Ты позволяешь Льюису заботиться о себе, а меня даже не хочешь видеть.

— Я отвратительно выглядела. Ты бы потом даже не посмотрел в мою сторону.

— Ты знаешь, просто смешно, сколько времени мне понадобилось, дабы убедиться, что между вами двоими ничего нет, но теперь я в этом уверен. Но с кем же он тогда спит?

Мне пришлось признать, что не имею ни малейшего представления. Наверное, две-три ночи он провел в объятиях какой-нибудь молоденькой киноактриски, но, с другой стороны, это были те

самые ночи, когда он занимался с Болтоном или кем-то еще. Кроме того, Глория Нэш, восходящая звезда, превратившаяся после смерти бедной Лолы в «Номер Один», уже положила на него глаз и даже пригласила на вечеринку — соблюдая приличия, разумеется, а это значит — вместе со мной. Я спросила Пола, будет ли он там, и Пол ответил, что да.

— Я заеду за вами часа в четыре. Надеюсь, этот маленький вечер на троих закончится лучше, нежели тот достопамятный…

Я тоже искренне надеялась.

— Но все равно странно, что простая драка могла так тебя расстроить. Твои приступы, Дороти, отлично известны всему Голливуду. Первый был, когда Фрэнк сбежал с Лолой, второй — когда Джерри вышвырнул тебя после того, как ты обозвала его грязным ничтожеством, а третий — когда твоя бедная глупая секретарша выпала из окна. Но все это было значительно серьезнее, если можно так сказать.

— Что ты хочешь, Пол? Я старею.

Значительно серьезнее… Если бы он только знал! Боже мой, если бы он только знал… На миг я представила себе его лицо и расхохоталась. От смеха потекли слезы, минут пять я никак не мог-

ла успокоиться. Мои нервы явно расшатались, и Пол сразу стал всепрощающим, терпеливым, по-американски надежным, мужественным и даже дал мне свой носовой платок вытереть потекшую косметику. Наконец я угомонилась, пробормотала какое-то наиглупейшее оправдание и в знак примирения чмокнула его в щеку. Мы были в моем офисе. Кэнди ушла, и он начал проявлять ко мне повышенный интерес. Мы решили поехать к нему, и я позвонила Льюису, чтобы он не ждал меня к ужину.

Он оказался дома и все это время с удовольствием возился с «Ролсом». Я велела ему хорошо себя вести, и тут меня снова разобрал смех. Он обещал до утра быть паинькой. С чувством полной нереальности происходящего я отправилась с Полом ужинать в ресторан Шасена, где со мной здоровались сотни людей, которых я не знала. Это было странно. Позже, ночью, лежа рядом со спящим Полом, голова которого, как обычно, покоилась на моем плече, а правая рука обнимала за талию, я вдруг ощутила страшное одиночество. Я владела тайной, смертельной тайной, не будучи человеком, которому вообще можно доверять чьи-либо секреты. Как и тогда, перед рассветом, сон не шел ко мне, а там, в пяти милях

отсюда, в своей маленькой кроватке сладко спал мой сентиментальный убийца, и ему снились птицы и цветы.

Глава двенадцатая

Отправляясь на вечеринку к Глории Нэш, мы оделись особенно элегантно. Я залезла в черное, расшитое бисером платье, купленное в Париже по сумасшедшей цене; оно было с открытой спиной, остававшейся одним из моих последних козырей. Льюис, в смокинге, с черными блестящими волосами выглядел просто потрясающе: он походил на юного принца, в котором было что-то от фавна. Пол, также в смокинге, имел вид скучающего сорокалетнего богача, что только подчеркивали его светлые волосы с легкой проседью на макушке и ироничный блеск глаз. Я уже мысленно смирилась с неизбежной потерей нескольких бусин с платья, вызванной теснотой в «ягуаре» и зажатостью между двумя смокингами, когда Льюис торжественно поднял руку и сказал:

— Я кое-что приготовил для тебя, Дороти.

Я вздрогнула, а Пол заговорщицки захихикал.

— Это настоящий сюрприз, Дороти. Пойдем за ним.

Льюис прошел в сад, сел за руль «Ролса», что-то там нажал, и машина, издавая тихое, мерное

урчание, мягко тронулась с места и остановилась рядом со мной. Льюис вышел из «Ролса», обошел его вокруг и с глубоким поклоном открыл дверцу. У меня не было слов.

— По крайней мере, он сдвинулся с места, — со смехом сказал Пол. — Не удивляйся. Залезай скорее. Водитель, отвезите нас, пожалуйста, к дому мисс Глории Нэш, кинозвезды, на Сансет-бульвар.

Машина тронулась. Хотя нас разделяло стекло, в зеркале заднего обзора я поймала взгляд Льюиса — по-детски счастливый, возбужденный, зачарованный — взгляд юноши, страстно желавшего доставить мне удовольствие. Бывали моменты, когда жизнь совершенно меня обескураживала. Я отыскала в этой огромной клетке старомодное переговорное устройство и поднесла его к губам:

— Алло, водитель, какое чудо движет этой махиной?

— Я потратил весь свой недельный отпуск на ремонт. И не напрасно.

Я повернулась к Полу.

— За последние три дня он мне все уши прожужжал о своем «Ролсе», — улыбаясь сказал Пол. — Можно подумать, что ему не больше двадцати.

Он тоже снял трубку переговорника.

— Водитель, прислушайтесь к моему совету. Вам следует постараться очаровать хозяйку сегодняшней вечеринки. Ваше безразличие может быть дурно истолковано.

Льюис только пожал плечами. Я отчаянно надеялась, что этим вечером все будут со мной крайне любезны, и мой преступник не вздумает выкинуть что-нибудь дикое. Последние десять дней я только и делала, что готовилась к сегодняшней поездке, описывая Льюису будущих гостей — моих друзей и коллег — в самом выгодном для них свете, и представляя Голливуд, эти джунгли порока, как сияющий рай трепетной любви. Когда с его губ срывалось язвительное замечание в тот или иной адрес, я тут же выдумывала какую-нибудь бесценную услугу, оказанную мне данным лицом года три назад; короче говоря, я вполне могла впасть в полный идиотизм или сойти с ума, если, конечно, еще не сошла.

Глория Нэш встретила нас у дверей своего «крохотного» тридцатидвухкомнатного особнячка. Все было на высоте: прожекторы в саду, ярко освещенный бассейн, внушительные жаровни-барбикью и вечерние туалеты. Сама Глория Нэш являла собой смазливую воспитанную блондин-

ку. К несчастью, она родилась на десять лет (по меньшей мере) раньше меня и самым любезным образом непрестанно напоминала мне об этом фразами типа «Ах, Дороти, как тебе удалось сохранить такую фигуру? Потом непременно поделись со мной своим секретом» или взглядами, полными «искреннего» изумления, словно то, что я в свои сорок пять держалась на ногах без посторонней помощи было каким-то волшебством. В этот вечер она избрала второй вариант, и под ее удивленным взором я чувствовала себя воскресшим Тутанхамоном. Она тут же потащила меня «приводить в порядок мою прическу», словно я в этом нуждалась. На самом же деле так выглядел один из самых занудных и неизменных голливудских ритуалов — женщинам полагалось собираться маленькими группками, орудовать расческами и каждые десять минут пудрить носы. По дороге Глория с любопытством болтала о Льюисе и засыпала меня вопросами, большинство из которых я просто игнорировала. В конце концов это стало ее раздражать, она позволила себе несколько намеков, которые я снова пропустила мимо ушей, а когда мы уже покидали ее очаровательный будуар, перешла в наступление:

— Знаешь, Дороти, ты мне страшно нравишь-

ся. Да, да. Помню, еще ребенком я видела тебя в фильме… э-э-э… Ну неважно, кто-то же должен тебя предупредить. О Льюисе говорят страшные вещи.

— Какие?

Кровь замерла у меня в жилах. Я едва не выкрикнула этот вопрос.

— Фу, какая ты настойчивая… Ну ладно… Должна сказать тебе, что он безумно соблазнительный.

— Нас с ним ничего ТАКОГО не связывает, ответила я. — Так что за вещи?

— Ну, говорят… ты же знаешь, что здесь за люди… говорят, что ты, Пол и он…

— Что? Что я, Пол и он?

— Ты везде с ними обоими, и поэтому неизбежно…

Наконец я поняла, что она хочет сказать, и вздохнула с облегчением.

— И это все? — игриво произнесла я, словно отвечая на детскую шутку (а ее намек на оргии выглядел именно так в сравнении с чудовищной правдой). — О, всего-то! Это ерунда.

И оставив ее с отвисшей челюстью, я отправилась в сад посмотреть, не умудрился ли Льюис зарезать во время перемены блюд кого-нибудь

виновного лишь в том, что ему не понравилось мое вечернее платье. Он спокойно беседовал с одной из голливудских сплетниц-журналисток. Успокоившись, я с головой окунулась в вечеринку, которая неожиданно удалась. Я встретила нескольких своих старых поклонников, и они, каждый на свой манер, отпускали столько комплиментов моему наряду и фигуре, что я поневоле увидела в своей больной печени путь к омоложению. Следует сказать, что я никогда не ссорилась со своими бывшими любовниками, при встрече они смотрели на меня с легким упреком и говорили: «Ах, Дороти, тебе стоит лишь захотеть, и…», а потом предавались воспоминаниям, которые я далеко не всегда разделяла, поскольку память моя явно портилась с годами. Пол, улыбаясь, наблюдал за моей игрой с ними на расстоянии, и пару раз я перехватила взгляд Льюиса — Глория вела упорную осаду. Но я решила больше о нем не беспокоиться. Я хотела получать удовольствие. Для себя. За последние дни я уже достаточно понервничала. Мне хотелось шампанского, аромата калифорнийской ночи и искреннего смеха добрых, храбрых, красивых голливудских мужчин, убивающих только на экране.

Я резвилась, как жаворонок, и была уже

немного навеселе, когда, час спустя, ко мне присоединился Пол. Рой Дэрдрайдж, король вестернов, рассказывал мне, как еще пять лет назад я разбила ему сердце, и, теряя реальность под воздействием чувств и изрядных доз мартини, с мрачной враждебностью поглядывал на Пола, который воспринимал это с полнейшим равнодушием. Пол взял меня за руку и отвел в сторону.

— Тебе весело?

— Ужасно. А тебе?

— Мне тоже. Видеть, как ты смеешься, пусть даже издалека…

Нет, что ни говори, мужчины просто очаровательны. Я решила выйти за Пола завтра же, ведь это так много для него значило. Однако я подавила порыв немедленно сообщить ему об этом, поскольку твердо придерживалась правила: никогда не произносить вслух ничего важного на вечеринках. Я ограничилась тем, что, воспользовавшись щедрой тенью магнолии, запечатлела на его щеке нежный поцелуй.

— А как там поживает наш малыш? — спросила я.

— Глория смотрит на него, как коккер-спаниэль смотрит на кость. Она ему просто шагу не дает ступить. За его карьеру можно больше не

беспокоиться.

— Да, если он не успел кого-нибудь убить, — тут же подумала я.

Я решила пойти и посмотреть, как он там, но опоздала: со стороны бассейна донесся сдавленный крик, и сразу, как это бывает в романах, мои волосы встали дыбом, несмотря на сдерживающий их лак.

— Что это? — в ужасе возопила я. Но Пол уже побежал к месту происшествия, вокруг которого кольцом собирались любопытные. Я закрыла глаза. Открыв их, я увидела перед собой безразличное лицо Льюиса.

— Бедняжка Рина Купер. Она мертва, — спокойно произнес он.

Рина Купер была именно той сплетницей, с которой он разговаривал час назад. Я с ужасом посмотрела на него. Слов нет, Рина не являла собой образец доброты и человеколюбия, но в своей мерзкой профессии слыла одной из лучших.

— Ты же обещал мне, — сказала я. — Ты же обещал…

— Что обещал? — удивленно спросил он.

— Обещал никого не убивать без моего согласия. Ты — предатель, и слово твое гроша ломаного не стоит. Ты убийца от рождения, и мне стыдно

за тебя, Льюис. Это просто ужасно.

— Но… это не я, — сказал он.

— Говори это кому-нибудь другому, — резко ответила я, мотнув головой, — но только не мне. Кто же еще?

Появился немного расстроенный Пол. Он взял меня под руку и спросил, почему я так бледна. Льюис невозмутимо стоял рядом, глядя на нас почти что с улыбкой. Я едва не ударила его.

— Бедная Рина, у нее был острый сердечный приступ, — сказал Пол. — Уже десятый за последний год. Врач не мог ничего поделать: она слишком много пила, а ведь он предупреждал ее.

Льюис развел руками и наградил меня чуть ли не насмешливой улыбкой несправедливо обвиненного. Я вздохнула с некоторым облегчением. В то же время я отлично понимала, что до конца дней своих не смогу прочесть в газете ни одного некролога, не заподозрив его.

Вечер, разумеется, был безнадежно испорчен. Бедняжку Рину увезла «скорая помощь», а вскоре разъехались и остальные гости. Я, немного подавленная, снова оказалась дома с Льюисом. С видом защитника и опекуна он протянул мне стакан алка-зельцера и настоял на том, чтобы я шла спать. Я позорно повиновалась. В это трудно

поверить, но мне было стыдно за себя. Странная вещь мораль; она так часто меняется… Мне не выработать твердых моральных принципов до самой моей смерти… от острого сердечного приступа, разумеется.

Глава тринадцатая

Затем наступило чудесное затишье. Целых три недели ничего не происходило. Льюис работал, Пол и я — тоже, а по вечерам мы часто ужинали вместе у меня дома. В один погожий уик-энд все мы даже отправились за пятьдесят миль вниз по побережью, в одиноко стоящее бунгало, снятое Полом у одного из своих приятелей. Домик стоял над океаном, почти на самом краю крутого скалистого обрыва, и мы отправились купаться по узкой козьей тропе. Волны были неспокойны в тот день, и Пол отправился в одинокие заплывы, а мы с Льюисом лениво следили за ним с берега. Как и все хорошо сохранившиеся мужчины его возраста, Пол корчил из себя спортсмена, и это едва не обернулось катастрофой.

Он плыл красивым «кролем» футах в тридцати от берега, когда его ногу свела судорога. Мы с Льюисом, облачившись в пляжные костюмы, грызли тосты на террасе, откуда открывался чудесный вид на океан, плескавшийся в двадцати пяти футах под нами. Я услышала слабый крик Пола, увидела, как он взмахнул рукой, и тут его

накрыла огромная волна. Я завопила и бросилась вниз по тропинке. Но Льюис уже успел сорвать с себя одежду и нырнуть прямо откуда стоял — с двадцатипятифутовой высоты, рискуя разбиться о скалы внизу. Через две минуты он уже возвращался вместе с Полом. Когда Пол перестал извергать из себя соленую воду, а я — неизвестно зачем шлепать его по спине, я подняла глаза и увидела, что Льюис абсолютно голый. Одному Богу известно, сколько голых мужчин я повидала на своем веку, но тут почувствовали, что краснею. Поймав мой взгляд, Льюис вскочил и побежал к дому.

— Друг мой, — чуть позже сказал Пол, согревшись живительным грогом, — друг мой, ты отважный парень. Этот прыжок… Если бы не ты, мы бы сейчас не разговаривали.

Льюис что-то пробурчал и окончательно смутился. Мысль о том, что этот юноша то укорачивает, то продлевает чьи-то жизни, немного меня позабавила. Его последнее амплуа понравилось мне куда больше предыдущего. Повинуясь порыву, я встала и поцеловала его в щеку. Быть может, мне все-таки удастся превратить его в хорошего мальчика. Немного поздновато, конечно, если вспомнить Фрэнка и Лолу, но все же надежда

есть. Однако вскоре мой оптимизм угас, когда, воспользовавшись отлучкой Пола, я поздравила Льюиса с тем, что он сделал.

— Знаешь, — холодно ответил он, — лично мне совершенно наплевать, жив Пол или мертв.

— Тогда зачем ты рисковал ради него жизнью?

— Затем, что он тебе нравится, и ты бы страдала.

— Если я правильно тебя поняла, если бы Пол не был моим приятелем, ты бы и пальцем не пошевелил ради его спасения.

— Именно так, — сказал он.

Я подумала, что никогда еще не сталкивалась со столь странным представлением о любви. Оно, во всяком случае, сильно отличалось от представлений всех прочих мужчин, когда-либо меня любивших: там неизменно присутствовало некоторое собственничество.

— Но неужели у тебя нет никакого чувства к Полу… никакой привязанности после этих трех месяцев?

— Я люблю только тебя, — со свойственной ему серьезностью ответил Льюис, — и больше меня никто не интересует.

— Понятно, — сказала я. — И ты считаешь это нормальным? В твоем возрасте, да еще обладая

такой… такой притягательностью для женщин, просто неестественно время от времени не… Ну, не знаю… Я…

— Ты хочешь, чтобы я забылся в объятиях Глории Нэш?

— Ее или чьих-нибудь других. Даже с точки зрения здоровья, молодому человеку лучше, на мой взгляд… чем…

Я запнулось. И что это на меня нашло? С чего вдруг я стала читать ему нотации, словно безумная мать? Он угрюмо взглянул на меня.

— Мне кажется, люди придают этому слишком уж большое значение, Дороти.

— Однако это — одна из самых больших радостей в жизни, — слабо запротестовала я, вспомнив, что сама посвятила этому три четверти своего времени.

— Но не для меня, — сказал Льюис.

И снова в его глазах мелькнуло какое-то мутное облако, выражение близорукого зверя, столь меня пугавшее. Я оборвала разговор на полуслове. Во всем остальном наш долгий уик-энд вполне удался. Мы загорели, отдохнули, и в отличном настроении вернулись в Лос-Анжелес.

Отдых был очень кстати. Через три дня Льюис заканчивал сниматься в своем вестерне, и Билл

Маклей, режиссер, пригласил целую ораву на коктейль по случаю завершения фильма. Съемки проходили в фальшивой деревне, где Льюис слонялся все лето. Я приехала в шесть, немного раньше назначенного часа, и нашла Билла в фальшивом салуне посреди фальшивой Мейнроуд. Он был в скверном настроении, страшно устал, и, как всегда, ругался. Его команда готовила финальную сцену чуть дальше по улице, и он сидел за столиком в гордом одиночестве, злобно зыркая по сторонам. Последнее время он сильно пил, и студия доверяла ему только второстепенные фильмы, отчего он пил еще больше. Взбежав по двум пыльным ступенькам, я вошла в салун, и он приветствовал меня хриплым смехом.

— А, Дороти? Явилась посмотреть, как тут твой жиголо? Сегодня у него большая куда-то в пустоту, как всякий раз, когда кто-нибудь ему надоедал.

Билл склонился к камере и громко выругался.

— Да чтоб вас всех… Приложи винтовку к плечу, Льюис, к плечу… так, теперь цельсь в меня… Мне нужна ярость, гнев, понимаешь? Ярость! Ну ради Бога, не смотри ты на меня, как последний идиот! Ты же собираешься убить негодяя, изнасиловавшего твою сестру… Вот, вот, отлично! Отлично… Так… кладешь палец на курок… нажимаешь…

Льюис стоял ко мне спиной, и я не видела, что он сделал. Но он выстрелил, и Билл, схватившись обеими руками за живот, из которого хлестала кровь, упал. На какое-то мгновение все замерли, а затем, как по команде, бросились к нему. Льюис тупо смотрел на ружье. Я отвернулась и прислонилась плечом к фальшивой, пахнущей плесенью стене. Меня тошнило.

Лейтенант Пирсон оказался очень вежливым и рассудительным полицейским. Было совершенно ясно, что кто-то подменил холостой патрон боевым, что мог это сделать кто угодно из тысячи врагов Билла Маклея, а также не вызывало сомнений, что это был наверняка не Льюис, который его почти не знал и не похож на дурака, способного убить человека на глазах у сотни свидетелей. Все жалели его, а замкнутость и мрачность относили на счет сильного эмоционального потрясения: кому приятно стать орудием преступления! Мы и прочие свидетели покинули полицейский участок около десяти, и кто-то предложил наверстать упущенное и пойти выпить. Я отказалась, и Льюис поплелся за мной. До дома никто не произнес ни слова. Я была очень измотана. И не очень зла.

— Я все слышал, — просто сказал Льюис, когда мы подошли к лестнице. Вместо ответа я пожала

плечами, выпила три пилюли снотворного и отправилась спать.

Глава четырнадцатая

Лейтенант Пирсон сидел в гостиной; он казался обеспокоенным. Он был по-своему красив — серые глаза, полные губы, — правда, слишком сухощав.

— Это пустая формальность, — сказал он, — но вы действительно ничего не знаете об этом парне?

— Ничего, — ответила я.

— И он живет у вас уже три месяца?

— О, да! — ответила я и с виноватым жестом добавила: — Вы, должно быть, считаете меня недостаточно любопытной?

Его черные брови поползли вверх, а на лице появилось то же выражение, что я часто видела у Пола.

— Я бы так не сказал.

— Видите ли, — продолжала я, — я считаю, что мы и так слишком много знаем о людях, с которыми сталкиваемся каждый день, а это неприятно. Мы знаем, как и с кем они живут, с кем спят, что думают о себе… короче говоря, слишком много. Но оставьте им немного тайны — и всем будет

спокойнее. Вы так не считаете?

Он явно не считал, что так спокойнее.

— Это точка зрения, не более, — холодно ответил он. — Точка зрения, не способная помочь мне в моем расследовании. Разумеется, я не считаю, что он намеренно убил Маклея. Похоже, лишь с ним одним Маклей и обращался по-человечески. Но все равно, стрелял-то он. И когда он предстанет перед судом, то, ради спасения его же карьеры, лучше представить присяжным самый ангельский образ, какой только возможно.

— Вам бы спросить его самого, — заметила я. — Я знаю, что он родился в Вермонте. Вот, собственно, и все. Мне разбудить его, или вы хотите еще кофе?

Это был следующий день после убийства. Лейтенант Пирсон вытащил меня из постели в восемь утра. Льюис все еще спал.

— Еще кофе, — сказал он. — Миссис Сеймур, простите мне столь прямой вопрос, но… что у вас с Льюисом Майлзом?

— Ничего, — ответила я. — Ничего такого, о чем вы думаете. Для меня он просто дитя.

Он посмотрел на меня и вдруг широко улыбнулся.

— Я давно уже разучился верить женщинам,

но вам верю.

Я рассмеялась, польщенная его словами. На самом деле мне ужасно не хотелось, чтобы этот бедняга, представляющий закон моей страны, загубил свою карьеру из-за какого-то нераскрытого убийства. Но в то же время я отлично понимала, что будь он толстопузым и красноносым, мое чувство гражданского долга сильно бы поуменьшилось. Кроме того, снотворное еще не перестало действовать, и я еле держалась на ногах.

— У парня блестящее будущее, — сказал Пирсон. — Он замечательный актер.

Я застыла у кофейника.

— Откуда вы знаете?

— Этой ночью мы просматривали отснятый материал. Вы не можете не согласиться, что нам, полицейским, запечатленное на пленке убийство очень помогает. Нет нужды в следственном эксперименте.

Его голос долетал до меня через кухонную дверь. Я глупо рассмеялась и налила кипяток прямо себе на пальцы.

— Лицо Льюиса там крупным планом. Должен признаться, оно заставило меня содрогнуться.

— Думаю, из него выйдет великий артист, — ответила я. — Все так считают.

С этими словами я вытащила из холодильника виски и сделала большой глоток прямо из бутылки. На глазах у меня выступили слезы, но руки перестали дрожать, словно листья на ветру. Я вернулась в гостиную и спокойно разлила кофе по чашкам.

— Вы не видите никаких причин, почему молодой Майлз мог бы хотеть убить Маклея?

— Ни малейших, — твердо ответила я.

Дело сделано, я стала соучастницей. И не только в своих собственных глазах, но и в глазах закона. Меня ждала тюрьма штата. Что ж, так даже лучше, в тюрьме я обрету душевный покой. И тут вдруг до меня дошло, что если Льюис во всем признается, то для всех я стану уже не соучастницей, а вдохновительницей его преступлений и могу угодить в газовую камеру. На мгновение я закрыла глаза. Решительно, судьба против меня.

— К сожалению, и мы не видим, — сказал Пирсон. — Ох, простите, к сожалению для нас, разумеется. Маклей был грубияном, похоже, кто угодно мог войти в реквизиторскую и подменить патрон. Там нет даже охранника. Да, следствие затягивается, а я и так уже устал, как собака.

Он начал жаловаться, и это меня не удивило. Все мужчины, которых я встречала в жизни,

будь то полицейские, почтальоны или писатели, заканчивали тем, что вываливали на меня свои несчастья. Видимо, я обладала каким-то особым даром. Даже мой налоговый инспектор рассказывал мне о своих семейных неурядицах.

— Который час? — раздался сонный голос, и на лестнице, протирая глаза, показался Льюис. Было настолько очевидно, что до сих пор он сладко спал, что меня охватил гнев. Пусть убивает людей, если уж не может без этого, но он просто обязан сам встречать потом, ни свет ни заря, полицию, вместо того, чтобы сопеть на подушке. Я коротко представила его. Ни один мускул не дернулся на его лице. Он пожал Пирсону руку и смущенно, со своей кривой улыбочкой, спросил меня, нельзя ли и ему выпить кофе, а я уже предчувствовала момент, когда он тем же сонным голосом осведомится, не сержусь ли я на него за вчерашнее. Это было бы уже слишком. Я сама налила ему кофе, он устроился напротив Пирсона, и допрос начался. Так я узнала, что мой милый преступник родился в очень хорошей семье, что он получил великолепное образование, что все его работодатели в нем души не чаяли, и что только бунтарский дух и тяга к приключениям помешали его блестящей карьере. Я слушала все это, разинув рот. Если я

правильно поняла, мальчик был образцовым гражданином, пока не попал в лапы Дороти Сеймур, самой роковой женщины на свете, которая и толкнула его на четыре преступления. И это поражало больше всего. Виновата я, не убившая и мухи, не почувствовав потом раскаяния, я, к которой сбегаются все бездомные кошки, собаки и люди! Льюис между тем спокойно объяснял, что взял «винчестер» из комнаты, где он всегда хранился, что ему и в голову не пришло проверить ружье, так как он палил из него уже восемь недель съемок без каких-либо проблем.

— Что вы думаете о Маклее? — внезапно спросил Пирсон.

— Пьяница, — ответил Льюис. — Бедный пьяница.

— Что вы почувствовали, когда он упал?

— Ничего, — холодно бросил Льюис. — Разве что удивление.

— А что чувствуете сейчас?

— То же самое.

— И это не помешало вам спать? То, что вы убили человека?

Льюис поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Мой лоб покрылся холодным потом. Он задумчиво поднес к зубам согнутый палец, а затем

растерянно развел руками.

— Знаете, это не произвело на меня никакого впечатления.

Я знала, он говорит чистую правду, и, к своему изумлению, увидела, что эта последняя фраза окончательно убедила Пирсона в его невиновности. Лейтенант встал, вздохнул, и закрыл свой блокнот.

— Все, что вы сказали мне, совпадает с нашими данными, полученными этой ночью, мистер Майлз. Вернее, почти все. Прошу простить за беспокойство, но, сами знаете, служба… Большое спасибо, миссис Сеймур.

Я проводила его до двери. Он пробормотал что-то вроде приглашения выпить как-нибудь вместе, и я поспешно согласилась. Я растянула рот в сладкой улыбке, наводившей на подозрение, что у меня пятьдесят два зуба, и он уехал. Когда я вернулась в дом, меня колотило. Льюис, страшно довольный собой, потягивал кофе. Мой испуг сменился яростью. Я запустила ему в лицо подушкой и еще какими-то малоценными предметами, повсюду валявшимися в моей гостиной. Я проделала это быстро, не особенно целясь, и стоит ли добавлять, что чашка разбилась о его лоб. Из раны обильно полилась кровь, и я снова

разревелась. Во второй раз за последний месяц и десять лет.

Я упала на диван. Я сжимала голову Льюиса в своих ладонях. У меня по пальцам струилась теплая кровь, и мне пришло в голову, что следовало предвидеть это еще тогда, полгода назад, когда я держала в ладонях ту же голову на пустой дороге, освещенной горящим «ягуаром», и когда по моим пальцам текла та же кровь. Все еще плача, я отвела его в ванную, промыла рану спиртом и перевязала ее. Он не произнес ни слова. Он казался очень расстроенным.

— Ты испугалась, — наконец сказал он. — Это неразумно.

— Неразумно? — резко сказала я. — Со мной в доме живет человек, совершивший пять убийств…

— Четыре, — скромно поправил он.

— Четыре… это одно и то же! Полицейский разбудил меня в восемь утра… а ты считаешь, что пугаться неразумно… Все, хватит, это — последняя капля.

— Но ведь никакой опасности не было, — весело возразил он. — Ты же сама видела.

— Постой, — продолжала я, — постой… а что ты там плел про свое счастливое детство? Хороший

студент, образцовый служащий, само совершенство… А я кто, по-твоему? Мата Хари?

Он расхохотался.

— Я же говорил тебе, Дороти. До того, как я узнал тебя, у меня ничего не было, я был один. И теперь, когда у меня появилось что-то мое, собственное, я это защищаю. Вот и все.

— Здесь у тебя нет ничего своего, — негодующе возразила я. — Я не принадлежу тебе. Насколько я понимаю, я не твоя любовница. И тебе отлично известно, что если нам удастся избежать палача, я выйду замуж за Пола Бретта… когда-нибудь.

Он резко встал и повернулся ко мне спиной.

— Значит, — произнес он отрешенным тоном, — когда ты выйдешь за Пола, я уже не смогу жить с тобой?

— Думаю, это не входит в планы Дола. Конечно, ты ему очень нравишься, но…

Я запнулась на полуслове. Он обернулся и посмотрел на меня столь хорошо знакомым мне страшным взглядом. Взглядом слепого.

— Нет, Льюис, нет! — пронзительно вскрикнула я. — Если ты Пола хоть пальцем тронешь, ты меня больше никогда, никогда не увидишь. Никогда. Я возненавижу, прокляну тебя, это будет конец и для тебя, и для меня. Конец!

Конец чего? Я и сама не знала. Он провел рукой по лбу; он очнулся.

— Я не трону Пола, — сказал он, — но я хочу быть с тобой до самой смерти.

Он медленно стал подниматься по ступеням, как будто получил удар в солнечное сплетение, и я вышла из комнаты. Солнце заливало радостным светом мой бедный сад, «Ролс», снова игравший роль памятника, далекие холмы, этот маленький мир… Все вокруг было сияющим и мирным. Пролив еще несколько слезинок над своей загубленной жизнью, я, всхлипывая, вернулась в дом. Надо одеться. Несмотря ни на что, этот лейтенант Пирсон довольно красив.

Глава пятнадцатая

Два дня спустя — два кошмарных дня, которые я провела, глотая аспирин, и даже впервые в жизни попробовала транквилизатор, вогнавший меня в полную депрессию, единственный выход откуда стал мерещиться мне в самоубийстве — два дня спустя началась буря и наводнение. Я проснулась на рассвете от того, что кровать страшно трясло, затем услышала рев воды и почувствовала какое-то горькое облегчение. Все детали складывались в единое целое: пришествие Макбета, близкий конец. Я подошла к окну; по дороге, превратившейся в стремительный поток, плыл пустой автомобиль в окружении самого разнообразного мусора; я пересекла дом и из другого окна увидела, как заполнившая мой сад вода качает, словно лодку, «Ролс». Терраса выступала над водой едва ли на фут. Я снова поздравила себя с тем, что не слишком-то заботилась о саде — теперь от него ничего не осталось.

Я спустилась вниз. Льюис, совершенно зачарованный зрелищем, стоял у окна. Он поспешно предложил мне чашку кофе, глядя на меня

молящим взором, появившимся у него после убийства Билла Маклея, взором ребенка, страстно нуждающегося в прощении за злую шутку. Я отреагировала с молчаливой надменностью.

— До студии сегодня не добраться, — радостно сообщил он. — Все дороги закрыты. И отключили телефон.

— Просто очаровательно, — сказала я.

— К счастью, я купил вчера в магазине Тоджи два бифштекса и несколько пирожных с засахаренными фруктами, твоих любимых.

— Спасибо, — безучастно ответила я.

Но я была очень довольна. Не надо спешить на работу, можно валяться в пижаме и есть вкуснейшие пирожные — совсем неплохо. Кроме того, я была на середине занимательной книги, полной незабудок и утонченного изящества — вполне приемлемая замена убийствам и обыденности.

— Пол будет вне себя, — сказал Льюис. — В этот уик-энд он хотел свозить тебя в Лас-Вегас.

— Я бы там разорилась на следующий же день, — сказала я. — Кроме того, я хочу дочитать книгу. А ты что собираешься делать?

— Помузицирую, — ответил он, — затем приготовлю тебе поесть. А потом можем сыграть в кункен. Как ты на это смотришь?

Я ясно видела, что он дико счастлив. Он заполучил меня на целый день и радовался этому с самого утра. Я не смогла сдержать улыбку.

— Сыграй что-нибудь для начала, пока я читаю. Полагаю, радио и телевизор тоже не работают.

Совсем забыла сказать, что Льюис часто играл на гитаре медленные, более или менее меланхолические мелодии, довольно странные, которые сочинял сам. Они тут же забывались, ведь я ничего не смыслю в музыке. Он взял гитару и прошелся пальцами по струнам. За окнами ревела буря, я пила свой обжигающий кофе в компании моего любимого убийцы, мне было хорошо. Если хорошенько подумать, столь легко достающееся счастье просто ужасно. Счастье поглощает тебя, от него уже невозможно отделаться, и начинают шалить нервы. Вас затягивает в гнилое болото проблем, вы пытаетесь бороться с ним, у вас навязчивая идея, и все кончается тем, что это самое счастье лупит вас по лицу.

Вот так прошел день. Льюис выиграл у меня пятьдесят долларов в кункен, позволив мне, слава Богу, заняться готовкой. Он мучил гитару, я читала. Он мне совершенно не надоедал, с ним было легко, как с кошкой. А вот Пол, с его несносным напором, часто доводил меня до бешенства.

Я старалась не думать, что бы означало для меня провести такой же день с Полом: он бы тут же бросился чинить телефон, заводить «Ролс», чинить ставни, доводить до конца мой сценарий, обсуждать знакомых, заниматься любовью, и так далее, и тому подобное… Он бы непременно стал действовать. Что-нибудь делать. Но Льюис на все это плевать хотел. Дом могло сорвать с фундамента и понести, как Ноев ковчег, а он бы так и сидел, развалясь в ленивой позе, самозабвенно наигрывая на гитаре. Да, если подумать, это был очень приятный день в самом сердце воющей бури.

Едва упала ночь, непогода взбесилась с удвоенной силой. Ветер, один за другим, срывал ставни, и они улетали в темноту, как птицы, издавая прощальный скрежет. Оконные стекла как будто оклеили черной бумагой. Я не могла припомнить ничего подобного. «Ролс» бился о стену дома, словно гигантская собака, возмущенная тем, что ее оставили на улице в такую погоду. Постепенно в меня начал заползать страх. Мне казалось, что Господь, в своей неизъяснимой мудрости, прогневался за что-то на свою покорную слугу. Льюис, разумеется, был заворожен всем происходящим и подтрунивал над моим состоянием загнанного зверя, изображая этакого героя, которому все

нипочем. Это раздражало; я рано отправилась спать, приняв вошедшие в привычку пилюли снотворного — тогда как всю жизнь старательно избегала лекарств — и попыталась уснуть. Не тут-то было. Ветер выл, как паровоз, битком набитый волками, дом трещал по всем швам, а к полуночи и вправду стал разваливаться. Прямо у меня над головой сорвало кусок крыши, и хлынувшая сверху вода промочила меня насквозь.

Я закричала и, повинуясь слепому инстинкту, зарылась головой в мокрые простыни, а потом выскочила из спальни — прямо в объятия Льюиса. Было темно, хоть глаз выколи. Он прижал меня к себе, и, находя на ощупь дорогу, мы перебрались в его комнату, где крыша совершеннейшим чудом устояла напору бури. (Вполне естественно, что в первую очередь пострадала именно моя спальня, и именно мне суждено было принять холодный душ.) Льюис сорвал со своей постели одеяла и стал растирать меня, как старую клячу, произнося фразы, обычно адресуемые, кстати сказать, перепуганным четвероногим:

— Все хорошо… все хорошо… это ничего… это пройдет…

Потом он, освещая себе путь зажигалкой, спустился на кухню за бутылкой виски и вернулся

по колено мокрый.

— Кухню затопило, — бодрым голосом сообщил он. — В гостиной софа плавает наперегонки с креслами. Эта чертова бутылка тоже плавала, и мне пришлось вылавливать ее из воды. Когда неодушевленные предметы ведут себя неподобающим образом, это выглядит весьма забавно. Представляешь, даже твой здоровенный холодильник возомнил, что он пробка.

Все это вовсе не казалось мне смешным, но я поняла, что он делает все возможное, чтобы меня развеселить. Мы сидели на его кровати в полной темноте, дрожа и кутаясь в покрывало, прихлебывая виски прямо из бутылки.

— Что будем делать? — спросила я.

— Дождемся рассвета, — невозмутимо ответил Льюис. — Стены выдержат. Просто ложись в мою сухую постель и спи.

Спать… Он сошел с ума. Но страх и алкоголь наполнили мою голову свинцом, и я упала на его постель. Он сидел рядом; я различала его профиль на фоне окна, за которым с бешенной скоростью неслись томные груды облаков. Мне казалось, что эта ночь бесконечна, что я умру, и в горле моем удушающе боролись взрослое горе и детский страх.

— Льюис, — взмолилась я, — мне страшно. Ложись рядом.

Он не ответил, но мгновение спустя обошел вокруг кровати и вытянулся рядом со мной. Мы оба лежали на спине, он молча курил.

И тут «Ролс», попавший на гребень самой высокой волны, ударился о стену. Стена издала душераздирающий треск, и я бросилась в объятия Льюиса. Это произошло вовсе не преднамеренно, просто мне хотелось, чтобы лежащий рядом со мной мужчина спрятал меня в надежном капкане своих рук и крепко обнял. Что Льюис и сделал. Он начал восторженно шептать мое имя, добавляя что-то еще, чего я не слышала, утонув в его волосах и горя от близости его молодого крепкого тела.

— Дороти… Дороти… Дороти… Дороти… Дороти… До…

Шум бури перекрывал его голос. Я не двигалась. Он согревал меня своим теплом, и я ни о чем не думала, разве что о неизбежном и позорном финале, но, впрочем, и это не имело никакого значения…

Но вдруг меня словно ударило: я не могу этого допустить. И тут же поняла Льюиса и все его мотивы. И убийства, и безумие, и его платони-

ческую страсть ко мне. Я быстро, быть может даже слишком быстро села на постели, и он сразу отпустил меня. На мгновение мы оба замерли, словно между нами проползла змея, и я больше не слышала вой ветра — только бешеный стук моего сердца.

— Значит, ты знаешь… — чеканя слова сказал Льюис.

Он щелкнул зажигалкой. Язычок пламени дернулся вверх, и я смотрела на него, такого красивого, такого одинокого, куда более одинокого, чем раньше… Исполненная жалости, я протянула к нему руку. Но взгляд его уже остекленел, он не видел меня, его руки искали мое горло.

Я никогда не испытывала склонности к самоубийству, но в этот момент, сама не знаю почему, не собиралась ему мешать. Жалость и нежность, которые я испытывала к нему, влекли меня к смерти, как к последнему убежищу. Но, может быть, это и спасло меня: я не сопротивлялась. И пальцы Льюиса, все сильнее давившие мне на горло, напомнили, что жизнь — это самое ценное из того, чем я владею. Я заговорила, причем совершенно спокойно, хотя воздух в моем горле и мог оказаться моим последним дыханием:

— Если ты так хочешь, Льюис… Но ты дела-

ешь мне больно. Ты же знаешь, я всегда любила жизнь, я любила солнечный свет, и друзей, и тебя, Льюис…

Пальцы давили все сильнее и сильнее. Я начала задыхаться.

— Льюис, ну что ты задумал? Я рассержусь… Льюис, дорогой, пожалуйста, отпусти меня.

Его пальцы внезапно разжались, и он, содрогаясь от рыданий, упал ко мне в объятия. Я положила его голову себе на плечо и долго, молча, водила ладонью по его волосам. Мало кто из мужчин забывался на моем плече, и ничто не трогает меня так, как это дикое, необузданное мужское горе, но никто из них не пробуждал во мне такую нежность, какую я испытывала сейчас к этому юноше, который едва не убил меня. Слава Богу, я давно уже отвергла все законы логики.

Льюис быстро заснул. Вместе с ним уснула и буря. Я всю ночь продержала его голову на своем плече, смотря на начинающее голубеть небо, на тающие облака, и, наконец, на бессовестно яркое солнце, заливающее своим светом изуродованную землю. Это была самая восхитительная ночь любви за всю мою жизнь.

Глава шестнадцатая

Но на следующий день, когда я обнаружила на своей шее синяки, мое настроение испортилось. Я долго внимательно разглядывала себя в зеркало, а затем направилась к телефону.

Я сказала Полу, что принимаю его предложение и услышала на том конце провода радостные вопли. Потом я доложила о своем решении Льюису и добавила, что на свой медовый месяц я, скорее всего, отправлюсь в Европу, и весь дом на период моего отсутствия будет в его распоряжении.

Свадебная церемония, на которой в качестве свидетелей присутствовали Кэнди и Льюис, заняла десять минут. Затем я забрала свой багаж, водворив Льюиса в дом собственными руками и пообещала ему, что скоро вернусь. Он, в свою очередь, пообещал мне не шалить, работать в поте лица и каждое воскресенье выпалывать вокруг «Ролса» сорняки. Несколько часов спустя я уже летела в Париж и следила в иллюминатор за серебристым крылом, режущим серо-голубые глыбы облаков. Мне казалось, что я наконец-то

вырвалась из кошмара. Мою руку сжимала надежная, теплая ладонь Пола.

Мы рассчитывали пробыть в Париже не больше месяца. Но Джей прислал мне телеграмму с просьбой отправиться в Италию, дабы помочь там бедняге вроде меня самой справиться со сценарием. У Пола же нашлись дела в Лондоне, где «РКБ» открывала свой филиал. В итоге мы мотались между Парижем, Лондоном и Римом целых шесть месяцев. Я была довольна: много новых знакомых и частые встречи с дочерью. В Италии я купалась, в Париже веселилась, в Лондоне полностью обновила свой гардероб. Пол оказался потрясающим спутником, и я полюбила Европу еще больше, чем раньше. Время от времени я получала письма от Льюиса, в которых он совершенно по-детски описывал сад, дом, «Ролс» и жалобно сетовал на наше отсутствие. Реклама, созданная смертью Маклея, привлекла к его первому фильму внимание. Студия наняла Чарлза Вогта, весьма сносного режиссера, переснять его, и он стал менять все сцены одну за другой, так что Льюис снова облачился в свой ковбойский наряд. Да и сама его роль претерпела некоторые коррективы. Впрочем, он писал об этом вскользь, и я была поражена, когда, за три недели до воз-

вращения назад, узнала, что фильм просто чудо, а его юный герой, Льюис Майлз, имеет все шансы получить «Оскара» за главную роль.

Но на этом сюрпризы не закончились. Когда мы приземлились в Лос-Анжелесе, Льюис встретил нас в аэропорту. Он, как ребенок, повис сначала на моей шее, затем на шее Пола, а потом принялся горько жаловаться: «они» просто преследуют его, «они» предлагают ему контракты, в которых он ничего не смыслит, «они» день и ночь обрывают ему телефон, наконец, «они» сняли для него огромный дом с бассейном. Он казался растерянным и раздраженным. Не прилети я в тот день, он бы бросил все и сбежал. Пол просто задыхался от смеха, но, на мой взгляд, Льюис сильно сдал и похудел.

На следующий день вручали «Оскаров». Там был весь Голливуд, вырядившийся во все лучшее, накрашенный, сияющий, и Льюис получил своего «Оскара». Он шел по сцене с самым независимым видом, а я с чисто философским любопытством наблюдала, как три тысячи человек восторженно рукоплещут убийце. Ко всему привыкаешь. После вручения «Оскаров» в новом доме Льюиса состоялась большая вечеринка, организованная Джейем Грантом. Джей, демонстративно гордясь

своей новой звездой, провел меня по дому: вот гардеробы, забитые новыми костюмами Льюиса; вот гаражи, полные новых машин Льюиса; вот комнаты, в которых Льюис будет спать; вот залы, в которых он будет принимать гостей… Сам Льюис ходил за нами по пятам и бормотал себе под нос что-то бессвязное.

— А ты уже перевез сюда свои старые джинсы? — спросила я его.

Он в ужасе отрицательно затряс головой. Для героя вечера он выглядел слишком растерянно. Он по-прежнему ходил за мной хвостом, отказываясь, несмотря на мои недвусмысленные намеки, заниматься гостями, и я начала замечать на себе пристальные взгляды, слышать полупрозрачные намеки, что, все вместе, и ускорило наш отъезд. Воспользовавшись моментом, когда кто-то полностью завладел вниманием Льюиса, я взяла Пола под руку и шепнула ему, что страшно устала.

Мы решили пожить некоторое время у меня, так как квартира Пола была в центре, а я предпочитала загород. Около трех утра мы тихо ускользнули ото всех и направились к машине. Я оглянулась на огромный дом, залитый светом, на журчащую воду бассейна, на силуэты гостей в

окнах и подумала, что год назад, всего лишь год назад, мы как раз возвращались по этой дороге, когда некий юноша бросился нам под колеса. Ну и год же это был! Но заканчивался он вроде хорошо, если не считать, конечно, Фрэнка, Лолу, Болтона и Маклея.

Пол с ювелирной точностью вырулил задом между двумя «ролсами» (новыми, разумеется) и медленно поехал вперед. И точно так же, как и год назад, перед капотом возник из темноты молодой человек с раскинутыми в стороны руками. Я вскрикнула от изумления, а Льюис (это был конечно же он) подбежал к моей дверце, распахнул ее и схватил меня за руки. Он дрожал, как осиновый лист.

— Отвези меня домой, — проговорил он срывающимся голосом. — Возьми меня с собой, Дороти, я не хочу здесь оставаться.

Он прижался щекой к моему плечу, потом снова поднял голову, глубоко дыша, словно получив удар в живот.

— Но Льюис, — попыталась урезонить его я, — теперь твой дом здесь. И все эти люди ждут тебя…

— Я хочу назад, домой, — сказал он.

Я озадаченно посмотрела на Пола. Тот беззвуч-

но смеялся. Я сделала последнюю попытку:

— Подумай о бедняге Джейе, который столько возился с тобой. Если ты так вот просто возьмешь и уйдешь, он рассвирепеет.

— Я убью его, — сказал Льюис, и я сдалась.

Я подвинулась, и Льюис рухнул на сидение рядом со мной. Пол тронул машину с места, мы снова ехали втроем, и это снова сводило меня с ума. Тем не менее, я прочитала Льюису короткую нотацию о том, что на эту ночь, так и быть, мы возьмем его с собой, поскольку он так распсиховался и мог невесть что выкинуть, но через два, максимум три дня он обязан вернуться к себе, иначе люди начнут недоумевать, почему он не живет в своем замечательном доме… и так далее, и тому подобное.

— Я могу жить у вас, а туда мы можем ездить купаться, — немного подумав, резюмировал он.

И почти мгновенно заснул на моем плече. Когда мы приехали, нам даже пришлось выносить его из машины; мы оттащили его наверх, в столь любимую им маленькую спальню, и положили на кровать. Он приоткрыл глаза, взглянул на меня, улыбнулся и опять уснул, на его лице застыло выражение блаженства.

Мы с Полом прошли в свою спальню, и я начала

раздеваться. Потом спросила Пола:

— Как ты думаешь, он к нам надолго?

— На всю жизнь, — небрежно ответил Пол. — Ты сама отлично это знаешь.

Он улыбнулся. Я слабо запротестовала, но он прервал меня:

— А разве ты не счастлива, что все происходит именно так, как происходит?

— Счастлива, — сказала я. — Очень.

Это была чистая правда. Видимо, время от времени мне придется лезть из кожи вон, не давая Льюису кого-нибудь убить, однако, с известной предусмотрительностью и удачей… Ладно, как говорится, «поживем — увидим». Эта дьявольская формулировка, как всегда, утешила меня, и, мурлыча про себя жизнерадостный мотивчик, я отправилась в ванную.

Серия "ЛИЦА ЛЮБВИ"

Франсуаза Саган

Властелин Сердец

...Я пристально изучала его зеленые глаза, совершенную линию рта, черные волосы, мягкую кожу в поисках хоть какого-то признака понимания или признака садизма, но ничего не обнаружила. Ничего, кроме безграничной нежности ко мне. Он смотрел на меня, как смотрят на ребенка, устроившего истерику из-за пустяка. Могу поклясться, глаза Льюиса говорили, что он прощает меня. Такого вынести я уже не могла и... разревелась. Он обнял меня, ласково погладил по голове, и я не оттолкнула его.

Серия <ЛИЦА ЛЮБВИ>

Франсуаза Саган

Властелин Сердец

...Я пристально изучала его зеленые глаза, совершенную линию рта, черные волосы, мягкую кожу в поисках хоть какого-то признака понимания или признака садизма, но ничего не обнаружила. Ничего, кроме безграничной нежности ко мне. Он смотрел на меня, как смотрят на ребенка, устроившего истерику из-за пустяка. Могу поклясться, глаза Льюиса говорили, что он прощает меня. Такого вынести я уже не могла и... разревелась. Он обнял меня, ласково погладил по голове, и я не оттолкнула его.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.